

Дискуссии

ИЗМЕРЕННЫЙ, БЕЗМЕРНЫЙ, ПРЕУВЕЛИЧЕННЫЙ И БЕЗОСНОВАТЕЛЬНЫЙ ПЕССИМИЗМ

О книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти

Дейдра Нансен МАККЛОСКИ*

*Заслуженный профессор экономики и истории, Университет шт. Иллинойс, Чикаго, США; научный сотрудник, Институт перспективных исследований устойчивого развития, Потсдам (2014 г.); Коллегиум социальных наук в Берлине, Германия.
E-mail: deirdre2@uic.edu

Аннотация

Центральный тезис работы Томаса Пикетти состоит в том, что процент на унаследованное богатство порождает долгосрочную и неустраимую тенденцию к росту неравенства доходов. Автор собрал и представил множество эмпирических материалов в подтверждение этого тезиса. Однако сами приведенные данные показывают, что тенденция к систематическому росту неравенства проявляется лишь недавно и лишь в некоторых странах. Более того, в ходе эволюционного процесса стабильный процент богатых людей постоянно лишается этого статуса или, наоборот, приобретает его. Пикетти не видит ключевой роли, которую играет вход новых предпринимателей на рынки, без этого невозможно понять то, как происходит исторический процесс изменений, проходящих проверку рынком.

Ключевые слова: Томас Пикетти, капитал, неравенство, перераспределение доходов, долгосрочный экономический рост, инновационное развитие.

JEL: B51, D35, N30, O43.

Deirdre Nansen McCloskey. Measured, Unmeasured, Mismeasured, and Unjustified Pessimism: A Review Essay of Thomas Piketty's Capitalism in the Twentieth Century // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. Vol. 7. Issue 2. Autumn 2014. P. 73–115.

Перевод с английского Е. Сарапиной (под редакцией Ю. Кузнецова)

Околоэкономическая • Политика

OIKONOMIA • POLITIKA

Томас Пикетти написал большую книгу — 577 страниц текста, 76 страниц примечаний, 115 диаграмм, таблиц и графиков — которая взволновала левых по всему миру. «Именно то, что мы говорили!» — воскликнули они. — Вся проблема в капитализме и в его неотвратимой тенденции к неравенству!» Впервые опубликованная на французском языке в 2013 году, книга вышла на английском в 2014 году в *Harvard University Press* под шумные приветствия таких колумнистов, как Пол Кругман, и сразу обосновалась в верхней части списка бестселлеров по версии *New York Times*. Немецкий перевод вышел в конце 2014-го, и Пикетти (который, должно быть, порядком подустал от всего этого) работал сверхурочно, представляя свои взгляды широкой немецкой аудитории. Он плохо смотрится на телевизионном экране, поскольку ему не хватает чувства юмора, но он не отступает, и продажи книги растут.

Уже очень давно (если не сказать — никогда) технический трактат по экономике не имел такого успеха. Экономист может только поаплодировать этому, а экономический историк — прийти в полный экстаз. Волна, вызванная Пикетти, непременно приведет к тому, что множество молодых ученых посвятят свои жизни изучению прошлого.

Это хорошо, потому что экономическая история — одно из немногих количественных (в естественно-научном смысле слова) направлений в экономике. В экономической истории, как и в экспериментальной экономике и в некоторых других сферах, экономисты работают с эмпирическими данными (чего нет сейчас, к примеру, в большей части работ по макроэкономической теории, теории отраслевых рынков или теории международной торговли). Если вдуматься, все эмпирические данные неизбежно существуют только в прошлом, а наиболее интересные и научно значимые из них — в более-менее отдаленном прошлом. Как заметил в 1922 году британский экономический историк Джон Клепхем — вполне в духе экономистов австрийской школы (хотя сам он был маршаллианцем): «Экономист — это поневоле историк. Прежде чем он придет к своим выводам, мир успевает измениться» [Clapham, 1922. Р. 313]. Да, экономические историки в основном занимаются прошлым ради него самого (как вот, к примеру, я), а не только для того, чтобы экстраполировать полученные результаты на будущее, в чем состоит цель Пикетти, — в конце концов его книга о капитале в *XXI* веке, который только-только начался. Но если вы хотите стать ученым-экономистом в смысле строгой науки — в том смысле, в котором геолог или астроном, или эволюционный биолог являются представителями науки, — прошлое должно быть вашим настоящим.

Пикетти — хороший пример того, как это можно сделать. Он успешно избегает ловушки, в которую попадают многие экономисты, овладевшие всего одним эмпирическим инструментом — скажем, регрессионным анализом чьих-то «данных» (одна из проблем — это само слово «данные» (*data*), дословно означающее «то, что дано»: ученые должны иметь дело с *capta* — «то, что добыто»). Таким образом, Пикетти не совершает одного из двух грехов современной экономической науки, а именно использования бессмысленных «тестов» на статистическую значимость (время от времени он обращается к «статистически незначимым» отношениям, например между ставками налогов и темпами экономического роста, но я надеюсь, что он не считает, что большой коэффициент является «незначимым», потому что в 1925 году Фишер сказал, что это так). Пикетти конструирует или использует статистические показатели совокупного капитала и неравенства, а потом препарировывает их для подробного изучения, как это делают, например, физики со своими опытами и наблюдениями. Не совершает он и другого греха — растраты научного времени на теоремы существования. Опять-таки физики подобным не занимаются. Раз уж экономисты продолжают завидовать физикам, неплохо было бы по крайней мере узнать, чем физики на самом деле занимаются. Пикетти не отходит далеко от фактов и не уходит, к примеру, в бессмысленные миры некооперативной теории игр, от которой экспериментальные экономисты давно камня на камне не оставили. Не обращается он и к невычислимому общему равновесию, которое никогда не приносило пользы количественной экономической науке, поскольку это одно из ответвлений философии и как таковое для подобных целей бесполезно. *Брависсимо* по обоим пунктам.

Кроме того, его книга ясно и непретенциозно написана. Думаю, такая она и во французском оригинале (стоит похвалить Пикетти за следование

старому, в наши дни уже не столь популярному среди *les français* правилу, а именно — *ce qui n'est pas clair n'est pas français*: «то, что не ясно, то не по-французски»). Я могу это засвидетельствовать касательно англоязычной версии. Правда, эта книга, скорее всего, обречена быть одной из тех, которые покупают больше, чем читают. Читатели более почтенного возраста вспомнят массивную работу Дугласа Хофштадтера «Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда» (1979), которая у многих в 1980-е годы лежала на журнальном столике, чтобы производить впечатление на окружающих, так и оставаясь непрочитанной. Более юные читатели вспомнят «Краткую историю времени» Стивена Хокинга (1988). Принадлежащая *Amazon* компания *Kindle* отслеживает последнюю страницу, на которой вы делаете пометки в скачанной книге (вы об этом даже не подозревали, не так ли?). Используя этот факт, математик Джордан Элленберг вычислил, что из 655 страниц текста и сносок «Капитала в XXI веке» средний читатель останавливается почти сразу после 26-й страницы, где и прекращается подчеркивание, то есть где-то в конце введения. Поэтому Элленберг предлагает переименовать измеряемую *Kindle* гипотетическую прочитанную долю книги в процентах, которая раньше называлась индексом Хокинга (большинство читателей «Краткой истории» прекращали делать заметки на 6,6% книги), в индекс Пикетти (2,4%)¹. Будем справедливы по отношению к Пикетти: скорее всего, покупатель бумажного, а не электронного издания является более серьезным читателем и, вероятно, продвинется дальше. Тем не менее способность удерживать внимание среднего читателя *New York Times* на протяжении чуть более 26 наполненных плотной экономической аргументацией страниц, после чего книга занимает почетное место на журнальном столике, свидетельствует о риторических навыках Пикетти, которыми я восхищаюсь. Книга чрезвычайно интересна — во всяком случае, если вы в принципе находите интересными изощренные числовые аргументы.

Это честная книга, основанная на обширной исследовательской работе. Ничего из того, о чем я буду говорить далее (а я выскажу некоторые неприятные вещи, поскольку они правдивы и важны), не направлено на то, чтобы оспаривать честность или научные усилия Пикетти. Эта книга является плодом большой коллективной работы основанной им Парижской школы экономики, которая ассоциируется с несколькими наиболее яркими светочами техно-левацкого направления французской экономической науки. Увы, я покажу, что Пикетти сильно ошибается в своих научных построениях и в своей социальной этике. Но то же самое относится ко многим экономистам и к тем, кто занимается расчетами; некоторые из них даже являются моими дорогими друзьями. Пусть первым бросит камень тот, кто без греха неправильного количественного представления своего центрального понятия, ошибочной трактовки одной из ключевых составляющих экономической теории или полного непонимания этической сути дела.

¹ [Ellenberg, 2014]. В его расчетах есть какая-то странность, поскольку 26 страниц — это 3,8%, а не 2,4%, даже включая указатель. Элленберг, должно быть, использует какое-то число, меньшее чем 26, — возможно, какой-то параметр, характеризующий центр распределения.

* * *

Чтение этой книги дает возможность понять то, что в последнее время беспокоит левых в связи с «капитализмом», и испытать их экономическую и философскую мощь. Впрочем, беспокойство Пикетти из-за того, что богатые становятся богаче, в действительности едва ли «последнее» в длинной серии, начинающейся с Мальтуса, Рикардо и Маркса. Со времен этих гениев — основателей классической экономической науки — улучшения, проходящие испытание рынком (выражение, которое я предпочитаю «капитализму» с его ошибочной неявной посылкой, что наше положение улучшилось благодаря накоплению капитала, а не инновациям), чрезвычайно обогатили большую часть мира, население которого теперь в семь раз больше, чем в 1800 году, и сулят в ближайшие лет пятьдесят обогатить каждого на планете.

Посмотрите на Китай и Индию. И не надо говорить: «Но ведь не каждый там стал богатым» — станут в любом случае, как показывает европейская история, по крайней мере с точки зрения этически релевантных стандартов базовых жизненных благ, бывших недоступными большинству населения Англии и Франции до 1800 года, Китая до его перезапуска в 1978 году и Индии до 1991 года. И тем не менее левые в своей тревоге постоянно забывают это наиболее важное после изобретения сельского хозяйства мировое событие — Великое обогащение последних двух столетий — и продолжают волноваться (как маленькая собачка о своей косточке в телерекламе страховой компании *Traveler*), примерно каждые полпоколения излагая новую версию своих тревог.

Вот список беспокойных пессимистов, каждый из которых в свое время был в моде с тех пор, как, по словам историка экономической мысли Энтони Уотермена, «первое издание “Опыта о законе народонаселения” (1798) Мальтуса сделало центральной проблемой редкость земли. Так началась вековая мутация “политической экономии”, этой оптимистической науки о богатстве, в “экономическую теорию”, пессимистическую науку о редкости и дефиците» [Waterman, 2012. Р. 425]. Мальтус был озабочен тем, что рабочие слишком размножатся, а Рикардо тревожился, что землевладельцы поглотят национальный продукт. Маркс беспокоился (или же радовался, в зависимости от того, как относиться к историческому материализму) по поводу того, что собственники капитала по крайней мере совершат отчаянную попытку его поглотить. (Экономисты классической школы являются кумирами Пикетти, и его теория, согласно ее самоописанию — до 26 страницы, — есть сумма теорий Рикардо и Маркса.) Милль беспокоился (или же радовался, в зависимости от того, как относиться к болезненной спешке современной жизни) по поводу того, что стационарное состояние не за горами. Потом экономисты, многие из которых были левыми, но и некоторые правые тоже, один за другим с 1880 года до наших дней (то есть в то самое время, когда прошедшие проверку рынком улучшения поднимали реальную заработную плату всё выше и выше) начали волноваться по поводу некоторых пессимистических моментов, связанных с «капитализмом», таких как

жадность, отчуждение, отсутствие расовой чистоты, отсутствие у рабочих переговорной власти, их дурной вкус в потреблении, иммиграция низших пород, монополии, безработица, экономические циклы, возрастающая отдача, экстерналии, недопотребление, монополистическая конкуренция, отделение собственности от управления, отсутствие планирования, послевоенная стагнация, внешние эффекты от инвестиций, несбалансированный рост, двойные рынки труда, нехватка капитала (Уильям Истерли называет это «капитальным фундаментализмом»), иррациональность крестьян, несовершенство рынка капитала, общественный выбор, отсутствие рынков, информационная асимметрия, эксплуатация третьего мира, реклама, захват регулятора, «эффект безбилетника», ловушки равновесия на низком уровне, ловушки равновесия на среднем уровне, зависимость от пройденного пути (*path dependency*), недостаточная конкурентоспособность, консьюмеризм, внешние эффекты потребления, иррациональность, гиперболическое дисконтирование, проблема «слишком больших, чтобы обанкротиться», деградация окружающей среды, низкая оплата в сфере ухода, медленный рост и т. д.

Для последних пунктов списка, как и для некоторых предыдущих, вновь приобретших актуальность благодаря работам в духе Пикетти и Кругмана, можно подыскать конкретный случай присуждения Мемориальной премии по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля. Я не стану здесь называть имена людей (никого из этих людей — и в этом я не буду следовать методу Элиноор Остром, лауреата Нобелевской премии 2009 года), но могу обнародовать их формулу успеха. Сначала откройте (с нуля или заново) необходимые условия существования *совершенной* конкуренции или *совершенного* мира (например, в случае Пикетти речь идет о как можно более полном равенстве доходов). Потом заявите без каких-либо эмпирических доказательств (кстати, в этом отношении Пикетти делает гораздо больше, чем это обычно принято), но с подходящей математической орнаментацией (как Жан Тироль, Нобелевская премия 2014 года), что необходимое условие может быть реализовано несовершенно или что развитие событий в мире может идти несовершенным путем. После этого завершите цветистой тирадой (здесь Пикетти соответствует обычному низкому академическому стандарту) насчет того, что «капитализм» обречен, если не вмешаются эксперты, благотворно использовав монополию государства на насилие для применения антимонопольного законодательства против особо богатых злоумышленников или для субсидирования производств с убывающей отдачей, или для зарубежной помощи кристально честным правительствам, или для выделения денег очевидно неокрепшим отраслям промышленности, или для подталкивания прискорбно инфантильных потребителей к правильному поведению, или, как говорит Пикетти, для налогообложения, порождающего неравенство капитала в масштабе всего мира.

Отличительной чертой этой странной истории поисков вины и предлагаемых этатистских корректирующих мер является то, что такой экономический мыслитель редко считает нужным предоставить реальные доказатель-

ства того, что предложенная им (как правило, именно «им», а не «ею») мера государственного вмешательства будет работать именно так, как ожидается, и почти никогда не считает нужным доказывать, что несовершенство выполнения условий достижения совершенного состояния, имевшее место до вмешательства, настолько велико, что приводит к уменьшению агрегированных показателей экономических результатов. (Повторяю: Пикетти в этом отношении превосходит привычный стандарт.) Клепхем выдвигал аналогичные претензии в 1922 году по поводу того, что теоретики на основе одного-двух графиков предлагали государству субсидировать отрасли, в которых якобы имела место возрастающая отдача. Экономисты не объясняли, каким образом можно получить знание о том, как этого достичь, и насколько их неколичественные советы на самом деле помогут несовершенному государству приблизиться к совершенному обществу. По резкому выражению Клепхема, это молчание вызывает уныние у «того, кто исследует реальность, а не категории». И сегодня, девяносто лет спустя, ничего не изменилось. Клепхем упрекал Пигу: «...изучив “Экономическую теорию благосостояния”, вы не найдете на почти тысяче страниц ни одной иллюстрации того, какие отрасли попадают в какой ящик [то есть к какой теоретической категории относятся]², хотя многие аргументы начинаются фразами вроде “когда выполняются условия убывающей отдачи” или “когда выполняются условия возрастающей отдачи”, как если бы все знали, когда именно так бывает». Он тут же предсказывает, каким будет ответ теоретика, представляющего себе «эти пустые экономические ящики» без оживляющих их количественных характеристик, — ответ, по-прежнему звучащий, но не становящийся от этого более правдоподобным: «Если те, кому известны факты, не смогут их поставить в соответствие с теорией, мы [теоретики, находящие серьезные ошибки в экономике] будем сожалеть об этом. Но наша доктрина сохранит логическую и, добавим с вашего позволения, педагогическую ценность. А потом, вы же знаете, какие красивые графики и уравнения из нее получаются!» [Clapham, 1922. P. 305, 311, 312].

Редким исключением из списка работ, не проверяющих, какое влияние может иметь предполагаемое несовершенство, стала вышедшая в 1996 году книга марксистов Пола Барана и Пола Суизи «Монополистический капитал», авторы которой действительно попытались измерить масштаб монополизма в американской экономике в целом (и потерпевшая почетную неудачу) [Baran, Sweezy, 1966]. Что касается прочих предметов озабоченности из вышеприведенного списка — например, что экстерналии требуют государственного вмешательства (как заявляли, если перечислять в хронологическом порядке, Пигу, Самуэльсон и Стиглиц), — то экономисты, утверждавшие, что экономика ужасно дисфункциональна и нуждается в немедленном массивном вмешательстве со стороны государства, рекомендуемом такими светлыми головами, как Пигу, Самуэльсон и Стиглиц, не считают, что им стоит тратить свое исследовательское время на то, чтобы показать, что эти дисфункции значимы в масштабах экономики в целом.

² Здесь и далее в квадратных скобках внутри цитат даны слова, вставленные Д. Макклоски. — *Прим. ред.*

Пикетти пытается это сделать (и доблестно терпит неудачу). Само огромное количество «несовершенств», которые входили в моду на короткое время, но никогда не подвергались измерению, приучило молодых экономистов (наивно полагающих, что за стройными теоремами из их учебников *должны* стоять какие-то факты) исходить из того, что проверенные рынком улучшения работают позорно плохо, хотя все количественные инструменты единогласно показывают, что начиная с 1800 года они работают потрясающе хорошо.

Напротив, такие экономисты, как Арнольд Харбергер и Гордон Таллок, утверждающие, что экономика работает довольно хорошо, занимаются исследованием фактов или по крайней мере предполагают, что теперь это можно сделать [Harberger, 1954; Tullock, 1967]. Результаты Пигу, Самуэльсона, Стиглица и остальных левых (в данном случае, конечно, довольно умеренных «левых») можно уподобить тому, как если бы астроном, базируясь на некоторых качественных допущениях, предположил бы, что на Солнце скоро, очень скоро, закончится гелий, но не удосужился выяснить с помощью серьезных наблюдений и количественного моделирования хотя бы *приблизительно, как скоро* указанное событие должно произойти. В экономической теории по большей части оказывается достаточным просто продемонстрировать общую направленность «несовершенства» на классной доске (см. «качественные теоремы» Самуэльсона, предложенные в «Основаниях экономического анализа»), а потом ждать телефонного звонка из Шведской академии наук ранним октябрьским утром.

Появляется подозрение, что типичный левый (серьезное беспокойство по поводу тех или иных несовершенств в основном исходит именно от них, хотя это не так уж и естественно, принимая во внимание то, как «капитализм» принес большие выгоды рабочему классу) начинает с глубинной убежденности, что капитализм содержит серьезные изъяны. Эта убежденность приобретает им в возрасте шестнадцати лет, когда он обнаруживает существование бедности, но ему не хватает интеллектуальных инструментов, чтобы понять ее источник. Я тоже следовала этой модели и потому на некоторое время стала социалисткой в стиле Джоан Баэз. Затем, став профессиональным экономистом, пожизненный «хороший социал-демократ», как он сам себя описывает (и как я некоторое время описывала себя), чтобы поддержать уже глубоко укоренившееся убеждение, оглядывается вокруг в поисках любого качественного признака того, что в каком-нибудь воображаемом мире его убеждение будет верно, не потрудившись подкрепить это цифрами, полученными в нашем мире (в чем, повторяю еще раз, нашего Пикетти обвинить *нельзя*). Таков утопизм добросердечного левого народа, который говорит: «Это несчастное общество, где одни люди становятся богаче и влиятельнее, чем другие, безусловно, можно значительно улучшить. Мы можем сделать его *гораздо* лучше!» Утопизм вытекает из логики теорий стадий развития (*stage theories*) выдуманных в XVIII веке как инструмент для борьбы с традиционным обществом, как это делается в «Исследовании о природе и причинах богатства народов», если не считать менее значительные книги.

Конечно, и правых тоже можно упрекнуть в утопизме, когда они утверждают бездоказательно, что мы уже живем в самом лучшем из всех возможных миров, как это делают некоторые экономисты — австрийцы старой школы и некоторые потерявшие вкус к серьезной проверке своих тезисов представители чикагской школы. Однако даже признавая тот факт, что многим представителям этой дисциплины можно предъявить немалую долю вины за превращение экономики в науку скорее философскую, чем количественную, отказ левых квантифицировать систему в целом представляется мне более доминирующим и более опасным. У меня есть любимый и очень умный друг-марксист, который всё время повторяет: «Я ненавижу рынки!». Я отвечаю: «Но, Джек, тебе же нравится разыскивать старинные вещи *на рынках*». — «Это неважно. Я ненавижу рынки!» В частности, марксисты сначала беспокоились, что типичный европейский рабочий станет жертвой обнищания, хотя у них было мало фактических данных, это подтверждающих; затем тревожились, что он будет подвергаться отчуждению, хотя у них было мало доказательств этого; позже стали волноваться, что эксплуатации будет подвергаться типичный рабочий, живущий на периферии третьего мира, хотя и для этого у них было так же мало доказательств. В последнее время марксисты и остальные левые начали беспокоиться по поводу окружающей среды; покойный Эрик Хобсбаум назвал это с некоторой неприязнью, естественной для старого марксиста, «основой, гораздо более характерной для среднего класса» [Hobsbawm, 2011. Р. 416]. Мы всё еще ожидаем от них эмпирических доказательств и предложений по поводу того, что с этим делать, кроме как возвращаться к Уолденскому пруду и к жизни начала XIX века.

Давным-давно мне приснился страшный сон. Со мной такое случается не часто, а тот сон был очень ярким — кошмаром экономиста в самуэльсоновских тонах. Что если *каждое* действие нужно было бы исполнять в точности оптимальным образом? «Максимизируй Полезность с учетом Ограничений!» Другими словами, допустим, что вам нужно достичь *точной* вершины Холма Счастья с учетом ограничений каждый раз, когда вы тянетесь за чашкой кофе, или *каждый раз*, когда вы делаете шаг по улице. Конечно же, будучи парализованными страхом перед малейшим отклонением от оптимума, вы будете раз за разом терпеть неудачу в выполнении этого задания. Это было пугающее видение того, что экономисты называют рациональностью, представшее со всей иррациональностью, свойственной кошмарным снам. Разумеется, в основе понятий удовлетворенности Герберта Саймона и трансакционных издержек Рональда Коуза, за альтернативными формулировками, которые Джордж Шэкл и Израэль Кирцнер дали афоризму Йоги Берра «Трудно делать предсказания, особенно в отношении будущего» — в основе всего этого лежит признание невозможности достижения точного соответствия совершенству.

Мы, молодые американские экономисты и социальные инженеры 1960-х годов, невинные как младенцы, были уверены, что можем достичь предсказуемого совершенства. «Тонкая настройка» — так мы это называли. Она потерпела неудачу — как и положено совершенству. Политолог Джон

Мюллер в 1999 году выдвинул тезис, что в таком случае мы должны стремиться просто к «достаточно хорошему» — это потребовало бы наличия некоего основанного на фактах ощущения, сообщающего нам, что мы находимся не так уж далеко от оптимального состояния, например в придуманном Гаррисоном Кейлором городе Вобегон-Лейк, шт. Миннесота, где находится лавка под названием «Достаточно хорошая бакалея Ральфа» с забавно скромной и совершенно «скандинавской» рекламой («Если вы не можете что-то найти у Ральфа, то вам это, скорее всего, просто не нужно») [Mueller, 1999]. Мюллер приходит к выводу, что капитализм и демократия в той не совершенной форме, в какой они существуют в Европе и в странах, от нее отпочковавшихся, достаточно хороши. По мнению Мюллера, «провалы» в достижении совершенства, скажем в поведении Конгресса или в сфере равенства распределения доходов в США, скорее всего, не настолько велики, чтобы сильно влиять на результаты функционирования политической системы и экономики. Они достаточно хороши для Вобегон-Лейка. Поездка по городу за покупками в «Магазин Идеального Совершенства», персонал которого составляют экономисты-теоретики, специализирующиеся на нахождении провалов в экономике без их измерения, часто приводит к последствиям, которые вам, вероятнее всего, не нужны.

По крайней мере Пикетти — серьезный ученый, применяющий количественные методы, в отличие от других мальчиков, играющих в песочницах статистической значимости, теорем существования, не поддающихся измерению несовершенств в экономике и постановки нереальных задач несовершенному государству (к несчастью, в последнем отношении он присоединяется к другим мальчикам с их песочными замками). Более того, Пикетти заявляет: «Важно отметить, что... главная сила расхождения [между доходами богатых и бедных] в нашей объяснительной схеме никак не связана с какими-либо погрешностями рынка [заметим: возможное несовершенство государства Пикетти не рассматривает] — напротив, чем более «совершенен», в понимании экономистов, рынок капитала, тем скорее оно [расхождение] проявится» ([Piketty, 2014. Р. 27; Пикетти, 2015. С. 45], ср.: [Piketty, 2014. Р. 573; Пикетти, 2015. С. 586–587]). Таким образом, подобно Рикардо, Марксу и Кейнсу, он считает, что открыл то, что марксисты называют «противоречием» [Piketty, 2014. Р. 571; Пикетти, 2015. С. 585], то есть печальное следствие самого совершенства «капитализма». Однако все проявлявшие свою озабоченность, от Мальтуса до Пикетти, то есть с 1798 года и до нынешнего дня, имеют общей чертой фундаментальный пессимизм — независимо от того, связан ли он с несовершенством рынка капитала, с неадекватностью поведения индивидуального потребителя или с «Законами Развития Капиталистической Экономики», — и всё это на фоне самого грандиозного роста богатства, с которым когда-либо сталкивался человеческий род. Тем не менее на протяжении весьма неплохой истории с 1800 года до нашего времени пессимисты из левого лагеря страдают от кошмара «ужасных-преужасных» провалов.

По-видимому, такой пессимизм хорошо продается. По причинам, которых я никогда не понимала, люди любят слышать, что мир катится ко всем

чертям, и преисполняются высокомерия и презрения, когда какой-нибудь идиот-оптимист мешает им получать это удовольствие. Тем не менее пессимизм всегда был плохим проводником в мир современной экономики. Мы многократно богаче телом и духом, чем были два столетия назад. Мы имеем основания ожидать, что в ближайшие полвека весь мир достигнет уровня Швеции или Франции — если только мы не убьем гуся, несущего золотые яйца, путем реализации проектов планирования и перераспределения, за которые выступают левые, или империалистических и милитаристских проектов, поддерживаемых правыми, как это уже было сделано во многих странах в 1914–1989 годах по совету интеллектуалов, заявлявших, что рынки и демократия ужасно несовершенны.

* * *

Центральная тема Пикетти — влияние процента на унаследованное богатство, которое вызывает, по его утверждению, увеличение неравенства в доходах, получаемых от богатства. В интервью Эвану Дэвису на *BBC* в 2014 году Пикетти заявил, что «деньги имеют тенденцию воспроизводить себя», — эта жалоба на деньги и получаемую с них процентную ставку регулярно воспроизводится на Западе со времен Аристотеля. Как говорил последний о среднем человеке: «И потому некоторые считают [приумножение количества денег] конечной целью в области домохозяйства и настаивают на том, что нужно или сохранять имеющиеся денежные средства, или даже стремиться приумножить их до беспредельности...»³. Теория Пикетти (и Аристотеля) состоит в том, что доходность капитала обычно превышает темпы роста экономики, а следовательно доля дохода на капитал в национальном доходе будет постоянно возрастать просто потому, что процентный доход — то, что богатые капиталисты предположительно получают и предположительно умудряются удержать и реинвестировать — растет быстрее, чем доход, который получает всё общество. Аристотель и его последователи, такие как Фома Аквинский, Маркс и Пикетти, были сильно обеспокоены такой «неограниченной» выгодой. Как видите, аргумент очень стар и очень прост. Пикетти его немного украшает удивительными расчетами, связанными с соотношением «капитал-выпуск» и т. п., приходя к своему главному неравенству о неравенстве: до тех пор пока $r > g$, (где r — это доходность капитала, а g — темп роста экономики), мы обречены на то, что доходы богатых капиталистов будут постоянно расти, в то время как все мы, легковверные простаки, будем все время отставать от них. Однако чисто вербальный аргумент, который я только что привела, является убедительным, пока выполняются фактические предположения, а именно:

³ Aristotle. Politics. Book I. Jowett translation (<https://ebooks.adelaide.edu.au/a/aristotle/a8po/book1.html>) (*Аристотель. Политика* // Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 393, 395).

капитал есть только у богатых людей; человеческого капитала не существует; богатые реинвестируют свои доходы, получаемые от капитала; они никогда не теряют капитал из-за собственной праздности или из-за созидательного разрушения, происходящего в результате действий других людей; основным механизмом является наследование, а не креативность, увеличивающая g для всех остальных именно тогда, когда она приводит к тому самому r , в котором мы все имеем свою долю; для нас этически важен только коэффициент Джини, а не условия жизни рабочего класса.

Отметим один аспект, касающийся последнего допущения: в истории, описываемой Пикетти, все мы отстаем от хищных капиталистов только в *относительном* выражении. Серьезная проблема книги состоит в том, что она фокусируется на *относительном* богатстве, доходе или потреблении. То, как Пикетти представляет себе «предрекаемый Рикардо апокалипсис», как он это называет, оставляет всем, кто не является капиталистом, достаточно возможностей, чтобы жить весьма хорошо, безо всякого апокалипсиса, как мы на самом деле и живем начиная с 1800 года. Пикетти озабочен тем, что богатые могут становиться еще богаче, хотя бедные при этом тоже становятся богаче. Другими словами, его беспокойство вызывает исключительно разница, коэффициент Джини, смутное чувство зависти, возведенное в ранг теоретического и этического тезиса.

Другой серьезной проблемой является то, что r почти всегда будет превышать g , как вам скажет любой знающий о примерном уровне процентных ставок на вложенный капитал и о темпах, с которыми растет большинство экономик (за исключением Китая в последние годы, где, вопреки предсказанию Пикетти, неравенство увеличилось). Если эта простая логика истинна, то «рикардианский апокалипсис» грозит *всегда*. Поэтому давайте учредим благожелательное, непогрешимое, всесторонне компетентное государство — или, что еще менее правдоподобно, мировое правительство — которое реализует «всемирный прогрессивный налог на капитал» [Piketty, 2014. Р. 27; Пикетти, 2015. С. 46], который будет взиматься с богатых. Это наша единственная надежда.

И все-таки те эмпирические данные, которые Пикетти, продемонстрировав известную изощренность, выявил в своем исследовании, в его *capta*, свидетельствуют, что неравенство доходов сильно возросло только в Канаде, США и Великобритании, причем лишь в последнее время, — как он и сам открыто признаёт, впрочем не позволяя этому признанию уменьшить его пессимизм. «В континентальной Европе и в Японии неравенство в доходах в наши дни по-прежнему намного ниже, чем в начале XX века, и на самом деле лишь немного изменилось с 1945 года» ([Piketty, 2014. Р. 321; Пикетти, 2015. С. 319], см. рис. 9.6 там же). Взгляните, например, на рис. 9.7 на с. 323 (с. 321 русского издания), где показана доля дохода верхнего дециля в США, Великобритании, Германии, Франции и Швеции за 1900–2010 годы. Во всех этих странах $r > g$. Действительно, так оно было, за редкими исключениями, с начала времен. Тем не менее после того как к 1970 году было реализовано перераспределение в рамках социального государства, неравенство доходов в Германии, Франции

и Швеции возросло *незначительно*. Другими словами, страхи Пикетти не подтвердились ни период с 1910-го по 1980 год, ни в долгосрочном плане где-либо и когда-либо до 1800 года, ни в континентальной Европе или в Японии после Второй мировой войны, а подтвердились лишь в последнее время, и совсем немного, в США, Великобритании и Канаде (кстати, Канада никогда не была объектом тестирования у Пикетти).

Если деньги имеют тенденцию воспроизводить себя — всегда, спокон веков, в соответствии с универсальным законом неравенства согласно учению Рикардо и Маркса, причем темпами, реально наблюдаемыми в мировой истории, то возникает серьезное затруднение. Дело в том, что в реальности неравенство увеличивается и уменьшается волнами, что подтверждается фактическими данными за много веков вплоть до настоящего времени, и это никак не фигурирует в истории, рассказанной Пикетти (он почти не упоминает работы экономических историков Питера Линдберта и Джеффри Уильямсона, зафиксировавших этот неудобный факт). По его логике, если уж «волна Пикетти» началась — а она начинается в любой момент времени, когда экономика удовлетворяет почти всегда выполняющемуся условию, что процентная ставка выше темпов роста дохода, — она никогда не остановится. Такая неумолимая логика означает, что мы должны были бы быть сокрушены цунами неравенства в 1800 году или в 1000 году, или даже в 2000 году до нашей эры. В одном месте Пикетти говорит так: «Неравенство, выраженное формулой $r > g$, может *снова* стать нормой в XXI веке, как это было *на всем протяжении истории, в том числе и в XIX веке и накануне Первой мировой войны*» ([Piketty, 2014. Р. 572; Пикетти, 2015. С. 586] (Курсив мой. — Д. М.); тут возникает естественный вопрос о том, как быть с исторически самым низким уровнем процентных ставок, который мы наблюдаем сейчас, с отрицательными реальными процентными ставками во время инфляции 1970-х и 1980-х годов). Почему же тогда доля богатых не достигла 100% еще в древности? Как минимум возникает вопрос: каким образом эта доля могла бы оставаться стабильной на уровне, скажем, 50%, что в Средние века было типичным для непродоводительных экономик, в которых доминировали земля и землевладельцы? Иногда Пикетти описывает свой механизм как «потенциально взрывной процесс» [Piketty, 2014. Р. 444; Пикетти, 2015. С. 443], в других случаях он признаёт, что случайные «потрясения» в истории семейных состояний «позволяют избежать бесконечного роста неравенства на личном уровне и приблизиться к сбалансированному распределению имущества» [Piketty, 2014. Р. 451; Пикетти, 2015. С. 451–452]. На основании списков самых богатых людей мира, публикуемых журналом *Forbes*, Пикетти отмечает, например, что «ежегодно в мире появляется несколько сотен новых состояний такого размера [от 1 до 10 млрд долл.]» [Piketty, 2014. Р. 441; Пикетти, 2015. С. 441]. Что происходит, профессор Пикетти? Апокалипсис ли это или же просто в ходе эволюционного процесса стабильный процент богатых людей постоянно лишается этого статуса или, наоборот, приобретает его? Именно последнее более-менее и наблюдается в реальности с незначительными подъемами и спадами. Всё выглядит так, что из его механизма не следует

ничего опасного и в то же время он производит впечатление чего-то слишком угрожающего.

Ученый и писатель Митт Ридли предложил убедительное объяснение (незначительного) роста неравенства в Великобритании в последнее время. «Поразительно, — пишет он, — вы хотите сказать, что на протяжении трех десятилетий, когда государство поощряло мыльные пузыри на рынках недвижимости; предоставляло налоговые льготы на пенсии; облагало небольшими налогами “нерезидентов” [то есть граждан других стран, таких как Саудовская Аравия, живущих в Великобритании]; тратило деньги на субсидии сельскохозяйственным предприятиям [принадлежащих землевладельцам, как правило богатым]; и строго ограничивало предложение земель для жилищного строительства, тем самым подталкивая вверх плату за разрешения на строительство, богатые собственники капитала заметили небольшой рост своего богатства? Ну надо же!.. [А если серьезно, то] значительная часть всего увеличения концентрации богатства, произошедшего с 1980 года, была обусловлена государственной политикой, которая систематически перераспределяет возможности для получения доходов в пользу богатых, а не бедных»⁴.

Что касается США с их всеобъемлющей системой социальных выплат и налоговыми послаблениями для наших добрых друзей-богачей, такими как трактовка в налоговом законодательстве доли в прибыли, выплачиваемой в виде вознаграждения за управление инвестициями (*carried interest*), обогащающей таких как Мэтт Ромни, то здесь можно прийти к аналогичному выводу, что государство, от которого Пикетти ожидает решения предполагаемой проблемы, является ее причиной. Небольшой всплеск неравенства в последнее время был вызван не «капитализмом» и уж точно не проверенными рынком улучшениями, которые в невиданных масштабах происходят в последние два столетия.

На самом деле непоследовательность аргументации Пикетти вполне ожидаема ввиду недостатков заявленных им источников. Начнем с того, что он принимает теорию великого экономиста Рикардо, предсказания которой оказались полностью ошибочными. Вопреки тому, что он так уверенно предсказывал, землевладельцы не поглощают всё большую часть национального продукта. На самом деле доля земельной ренты в национальном (и мировом) доходе сильно упала, причем это началось практически с того самого момента, когда Рикардо заявил, что она будет неуклонно расти. Результат похож на то, что произошло с Мальтусом, чей прогноз — согласно которому количество населения превзойдет возможности обеспечения его продовольствием — начал опровергаться почти с того самого момента, когда, по утверждению автора, он должен был подтвердиться.

Хорошо. Теперь соединим Рикардо с другой теорией менее великого экономиста — Маркса (бывшего в то же время величайшим социологом XIX века, хотя и ошибавшимся почти во всех важных вопросах, особенно

⁴ Ridley M. The poor are getting less poor. 2014, June 05 (<http://www.rationaloptimist.com/blog/income-inequality-is-falling-globally/>).

в своих предсказаниях). Маркс полагал, что заработная плата будет падать, и параллельно с этим прибыль тоже будет уменьшаться, а технологические улучшения всё равно будут происходить. Такая калькуляция, как часто указывала экономист-марксист Джоан Робинсон, невозможна. Если происходят технологические улучшения, то по крайней мере что-то одно — заработная плата или прибыль — должно расти. Так оно и было. Когда пирог увеличивается, кто-то так или иначе получит кусок побольше. На самом деле росла оплата простого труда, и особенно значительным было увеличение доходности накопленного *человеческого* капитала — но это капитал, который принадлежит работникам, а не собственно богатым людям. Доходность физического капитала была выше, чем безрисковая доходность британских и американских государственных облигаций, поскольку она должна была компенсировать риск, связанный с владением таким капиталом (например, риск устаревания вследствие улучшений — подобно тому как наши компьютеры устаревают за четыре года). Но доходность физического капитала, как и человеческого капитала, всё равно удерживалась в пределах приблизительно 5–10% из-за конкуренции между быстро растущим числом капиталистов. Представьте себе, насколько мы были бы бедны, если бы доходы рабочих переживали бы начиная с 1800 года такую же историю стагнации, как и доходность единицы капитала, по той причине, что рабочие *не* накапливали бы человеческий капитал, а общества, в которых они жили, не усваивали бы всё новых и новых изобретений. Это несложно себе представить, поскольку столь мизерный доход существует по сей день в таких местах, как Сомали и Северная Корея. В то же время начиная с 1800 года среднедушевой доход рабочих в среднестатистической богатой стране увеличился примерно в 30 раз (на 2900%, если угодно), а в целом мире, в том числе и в по-прежнему бедных странах, — в 10 раз (на 900%), в то время как ставка доходности физического капитала остается на прежнем уровне.

Пикетти не признаёт, что каждая волна изобретателей, предпринимателей и даже обычных капиталистов обнаруживают, что их выигрыш забирается у них благодаря входу на рынок — это экономическое понятие он, кажется, не может постичь. Это непонимание идет в паре с неспособностью понять такую вещь, как ответная реакция со стороны предложения. Посмотрите на историю состояний в таком бизнесе, как универсальные магазины. Доход, получаемый от универмагов в конце XIX века (от таких фирм, как *Le Bon Marché*, *Marshall Fields* и *Selfridge's*) был предпринимательским. Эту модель впоследствии копировали во всем богатом мире, она послужила созданию небольших состояний в Сидар-Рэпидс, шт. Айова, и Бентон-Харбор, шт. Мичиган. Затем, в конце XIX века конкуренцию ей составила волна дискаунтеров, а тем, в свою очередь, бросил вызов Интернет. Первоначальные накопления рассеиваются — одни медленно, другие быстрее. Другими словами, прибыль, первоначально получаемая дельцами, рано или поздно подрывается приходящим извне предложением, если только в дело не вмешиваются государственные монополии и протекционизм наподобие тех, о которых упоминает Ридли применительно

к Великобритании. Экономист Уильям Нордхаус подсчитал, что изобретатели и предприниматели в настоящее время получают в виде прибыли только 2% общественной ценности своих изобретений [Nordhaus, 2004]. Если вы Сэм Уолтон, основатель розничной сети *Wal-Mart*, то 2% приносят лично вам очень много денег благодаря внедрению штрих-кодов, маркирующих товары на полках супермаркетов. Тем не менее для нас, то есть для всех остальных, получить 98%, заплатив за это 2%, — весьма неплохая сделка. Изобретение дорог со щебеночным покрытием и вулканизированного каучука, современных университетов, конструкционного бетона и самолета обогатило даже самых бедных из нас.

Пикетти, не верящий в ответную реакцию со стороны предложения, сосредоточивается на большом зле — на том, что очень богатые люди могут иметь семь часов *Rolux* просто в результате наследования. Лилиан Беттанкур, наследница компании *L'Oréal* [Piketty, 2014. Р. 440; Пикетти, 2015. С.439], занимающая третье место среди самых богатых женщин мира, «никогда не работала, однако это не помешало ее состоянию расти так же быстро, как и состоянию изобретателя Билла Гейтса [по общему признанию, увеличивающемуся]». «Фу!» — говорит Пикетти, и этим исчерпывается его этическая философия.

Австралийские экономисты Джеффри Бреннан, Гордон Мензиес и Майкл Мангер в своей недавней статье, написанной до книги Пикетти, приводят похожий аргумент — что наследование человеческого капитала *inter vivos*⁵ неизбежно будет увеличивать неравенство, выражаемое коэффициентом Джини, потому что «впервые в истории человечества у более богатых людей меньше детей... Даже если возросшее изобилие продолжится, оно будет концентрироваться в руках всё меньшего количества людей» [Brennan et al., 2013]. Богатые отправят своего единственного сына, интенсивно натаканного по французскому и по математике, в Сиднейскую школу для одаренных детей, а потом в Гарвард. Бедные же будут распределять то небольшое, что у них есть, между своими предположительно многочисленными детьми.

Но если благодаря «всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на низшие слои народа» и на которое надеялся Адам Смит [Smith, 1776. Р. 22; Смит, 2007. С. 74], все получают доступ к превосходному образованию (что является, в отличие от измеряемого коэффициентом Джини неравенства, этически осмысленной целью социальной политики и обладает дополнительным преимуществом достижимости) — и если бедные станут настолько богаты (поскольку Великое обогащение уже началось), что тоже станут рожать меньше детей, как это уже происходит, скажем, в Италии, то тенденция к возрастающей дисперсии будет ослаблена. Кроме того, как напомнил мне экономист Тайлер Коуэн, «низкий» уровень рождаемости подразумевает также «ноль детей», что приводит к вымиранию родов, как это часто случалось с королевскими семьями, в которых все получали хорошее образование. Несуществующие дети, как у великого герцога Тосканского

⁵ От живого к живому (лат.). — Прим. ред.

Джан-Гастоне Медичи в 1737 году, не могут получить наследство, будь то *inter vivos* или нет. Вместо них наследство достается их многочисленным кузенам и троюродным братьям.

Кроме того, унаследованное богатство лишает детей богачей амбиций, как это можно наблюдать на Рodeo-драйв в Беверли-Хиллз. Лень — или, если уж на то пошло, регрессия к среднему уровню способностей — могучий уравниватель. «Всегда наступает момент, — пишет Пикетти, противореча своей собственной аргументации, — когда расточительный отпрыск проматывает наследство» [Piketty, 2014. Р. 451; Пикетти, 2015. С. 451], что в английском праве на протяжении многих веков было предметом борьбы вокруг майората. Представьте себе, что вы получили доступ к десяти миллионам долларов в возрасте 18 лет, то есть до того, как у вас полностью сформировался характер. Это стало бы для вас этической катастрофой, что регулярно и происходит с детьми очень богатых родителей. Мы, процветающие родители эпохи Великого обогащения, можем должным образом позаботиться о мотивации своих детей и особенно внуков к таким занятиям, как получение Ph.D. по экономике, предпринимательство или даже серьезная благотворительность. Но имея множество бриллиантовых браслетов, большинство богатых детей, а может, и все дети эпохи Великого обогащения, когда богатство распространяется и на низшие слои народа, не станут проходить через мучения, связанные с получением Ph.D. по экономике. К чему все эти хлопоты? Дэвид Рокфеллер через это прошел (в Чикагском университете в 1940 году, и он *действительно* понимал, что такое реакция со стороны предложения), но его деду неимоверно повезло передать ценности человека, рожденного бедным, своему сыну Джону-младшему и пяти внукам — сыновьям Джона (хотя не своей внучке по той же линии Эбби, которая не работала ни единого дня в своей жизни).

Более того, поскольку Пикетти одержим наследованием, он хочет преуменьшить предпринимательскую прибыль и прошедшие проверку рынком улучшения, которые сделали бедных богатыми. Это всё то же утверждение Аристотеля, что деньги бесплодны и потому процент противоестественен. В этом Аристотель ошибался. В противоположность мнению Пикетти, даже если не учитывать удешевление товаров, произведенных благодаря инвестированию богатыми своего состояния, обычно люди, имеющие много денег, получают их еще больше благодаря тому, что являются более производительными за счет изобретательности, идущей на благо всем нам, — например, получая Ph.D., являясь отличными создателями автомобилей, превосходными авторами романов ужасов, прекрасными игроками в американский футбол или несравненными продавцами сотовых телефонов, как самый богатый человек мира мексиканец Карлос Слим (успеху которого, возможно, немножко поспособствовал подкуп депутатов мексиканского парламента). То, что Фрэнк Синатра стал богаче, чем большинство его поклонников, не было чем-то этически неприемлемым. Пример вымышленного персонажа «Уилта Чемберлена», придуманного философом Робертом Нозиком (Пикетти упоминает Джона Ролза, но не Нозика, который был его

главным оппонентом), показывает, что если мы добровольно платим за то, чтобы получить выгоду от услуг умных директоров или одаренных атлетов, здесь нет никакой этической проблемы. Необычайно высокое денежное вознаграждение, получаемое такими людьми, как Фрэнк Синатра, Джеймс Даймон и Уилт Чемберлен, имеет своим источником не кражу, а невероятно расширившиеся рынки в эпоху глобализации и механического воспроизводства. Неравенство в заработной плате в богатых странах, в которых имеет место увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными (напомню, обнаруженный Пикетти), как он нам сообщает, вызвано главным образом «выплатой чрезвычайно высоких вознаграждений на вершине иерархии зарплат, прежде всего руководителям высшего звена в крупных компаниях» [Piketty, 2014. Р. 298; Пикетти, 2015. С. 296]. Отметим, что это не имеет никакого отношения к $r > g$.

* * *

Технические изъяны в аргументации рассеяны в книге повсеместно. Если глубоко копнуть, вы их найдете. Позвольте мне перечислить еще некоторые замеченные мною. Я слышала, что другие экономисты нашли много чего еще: просто наберите в гугле «Piketty». Я не стала этого делать, потому что не хочу нагромождать эту критику до бесконечности. Я уважаю то, что Пикетти попытался сделать, и потому он заслуживает от меня независимой оценки.

Например (и это большой недостаток), определение богатства Пикетти не включает человеческий капитал, которым владеют рабочие и который в богатых странах вырос до того, что стал основным источником доходов в сочетании с начавшимся в 1800 году накоплением гигантского капитала в виде знаний и социальных привычек, принадлежащих всем, кто имеет к ним доступ. Поэтому его кропотливо выстроенные графики соотношения между капиталом (чисто физическим и частным) и объемами выпуска являются ошибочными. В них не учитывается одна из основных форм капитала в современном мире. Более конкретно: настаивая на определении капитала как чего-то такого, что почти всегда принадлежит богатым людям, Пикетти ошибочно определяет источник дохода, который в действительности воплощается главным образом в человеческой изобретательности, а не в накопленных машинах или в присвоенных землях. Он несколько загадочно утверждает: «Есть множество причин, по которым мы исключаем человеческий капитал из нашего определения капитала» [Piketty, 2014. Р. 46; Пикетти, 2015. С. 61]. Но упоминает он всего одну: «Человеческим капиталом не может владеть другое лицо». Однако человеческий капитал именно что принадлежит самому работнику. Пикетти не объясняет, почему самопринадлежность при недопустимости отчуждения (в духе Локка) не является собственностью. Если я собственник улучшенной земли и закон не допускает ее отчуждения (как это делали некоторые коллективистские законы), то почему она не является капиталом? Конечно же, человеческий капитал — это «капитал»: он накапливается посредством воздержания от

потребления, он изнашивается, обеспечивает определенный рынком уровень доходности, он может устаревать в результате созидательного разрушения.

Когда-то очень давно мир Пикетти, в котором не было человеческого капитала, несомненно, мог служить примерным описанием нашего мира — мира Рикардо и Маркса, в котором рабочие владели только своими руками и спинами, а работодателям и лендлордам принадлежали все остальные средства производства. Но после 1848 года то, что находится между ушами рабочих, трансформировало его. Похоже, что единственная причина, по которой в книге из состава капитала исключен человеческий капитал, состоит в том, чтобы вынудить нас прийти к тому заключению, к какому стремится Пикетти: что неравенство увеличилось или увеличится, или может увеличиться, или что его надо опасаться. Один из заголовков в главе 7 утверждает, что «капитал всегда распределен более неравномерно, чем труд». Нет, это не так. Если принять в расчет человеческий капитал — грамотность обычного заводского рабочего, приобретенные в ходе обучения навыки медсестры, умение профессионального менеджера руководить сложными системами, понимание экономистом реакции со стороны предложения, — то теперь сами рабочие, при правильном расчете, являются владельцами большей части капитала в стране и драма Пикетти после 1848 года сама по себе рассыпается.

Если представить себе книгу как некий «баланс», то пренебрежение человеческим капиталом «на стороне проблем» представляется вдвойне странным, потому что «на стороне решений» Пикетти рекомендует образование и другие инвестиции в человеческий капитал. Однако фокусируясь на повышении предельного продукта незанятых рабочих с помощью правительственных программ вместо корректировки искажений, исходно создающих безработицу, он присоединяется к большей части левых, особенно тех, что работают в университетах. Так, в ЮАР левые предлагают сохранять высокий уровень минимальной заработной платы и удушающее регулирование, решая при этом порожденную государством проблему безработицы за счет повышения посредством того же государства уровня образования безработных южноафриканцев. Никто, будь то левый, правый или либертарианец, не будет против лучшего образования, особенно если оно падает с неба без каких-либо альтернативных издержек, — хотя мы, сердобольные либертарианцы, посоветовали бы добиваться этого какими-нибудь другими методами, нежели вливанием большего количества денег в плохо функционирующую национализированную отрасль начального образования или в систему высшего образования, отдающую явное предпочтение богатым перед бедными, вручая лучше подготовленным богатым студентам бесплатный билет в правящий класс, как это откровенно делается во Франции. В любом случае тактический ход «Мы любим образование!» освобождает левых от того, чтобы честно признать очевидную причину безработицы в ЮАР, которая состоит в окостеневшей системе рынка труда и других видах регулирования, которые выгодны Конгрессу южноафриканских профсоюзов, но действуют против интересов ужасающе бедных

черных южноафриканцев, сидящих без работы в своих хижинах в глуши Квазулу-Натала и получающих лишь мизерное пособие.

Книга Пикетти никоим образом не чужда хорошей, интересной, технически изощренной экономической науки. Например, в главе 14 автор предлагает интересную теорию, что очень высокие зарплаты руководителей компаний, принятые сейчас как в Великобритании, так и особенно в США, являются результатом снижения маржинальных налоговых ставок по сравнению с их высоким уровнем в период 1930–1970 годов. В те счастливые времена было не так уж умно со стороны менеджеров платить себе огромные зарплаты, которые правительство в конце концов заберет у них 15 марта. Когда этот отрицательный стимул был ликвидирован, вполне правдоподобно утверждает Пикетти, они получили возможность пользоваться закрытым характером комитетов, назначающих вознаграждение менеджменту, чтобы отхватывать изрядный кусок пирога. Поэтому он предлагает вернуться к верхней маржинальной ставке подоходного налога в 80% [Piketty, 2014. Р. 513; Пикетти, 2015. С. 517]. Но подождите. С технической точки зрения если по этическим соображениям мы не любим высокие зарплаты руководителей компаний, то почему бы нам прямо не принять законы против них, используя какой-то более адресный инструмент, чем массированное вторжение в экономику? Или почему бы не заклеить позором комитеты, назначающие вознаграждение менеджменту? Пикетти об этом ничего не говорит.

* * *

Однако основная техническая проблема в книге, как я уже намекала, заключается в том, что Пикетти-экономист не понимает реакции со стороны предложения. Как у человека левых взглядов у него туманное и путаное представление о том, как работают рынки, и особенно о том, как предложение реагирует на более высокие цены. Прежде чем предлагать публике свои пессимистические выводы в отношении «рыночной экономики и частной собственности, предоставленных самим себе» [Piketty, 2014. Р. 571; Пикетти, 2015. С. 585], ему следовало бы знать, что элементарная экономическая теория — с которой согласны все, кто изучал ее достаточно, чтобы понять ее содержание, — в действительности говорит о том, как ведет себя рыночная экономика, основанная на частной собственности, если предоставить ее самой себе.

Поразительные доказательства плохого образования Пикетти появляются уже на стр. 6. Он начинает с того, что как будто делает уступку своим неоклассическим оппонентам (напомню, что сам он является гордым представителем классической школы, последователем Рикардо и Маркса). «Конечно, в теории существует довольно простой экономический механизм, позволяющий привести этот процесс к равновесию процесса [в данном случае — процесс роста цен на нефть или на городскую землю, приводящий к рикардианскому апокалипсису]: это игра спроса и предложения. Если предложение какого-то товара недостаточно, а его цена завышена, *то*

спрос на этот товар должен снизиться, что приведет к снижению его цены» [Piketty, 2014. Р. 6; Пикетти, 2015. С. 25]. В словах [английского текста⁶], которые я выделила курсивом, явно перепутано движение вдоль кривой спроса со смещением всей кривой — типичная ошибка студента первого курса университета. Правильный анализ (мы говорим это нашим первокурсникам где-то на четвертой неделе учебы) состоит в том, что когда цена «слишком высока», «восстанавливает равновесие» не вся кривая спроса (хотя в краткосрочной перспективе высокая цена действительно побуждает людей экономить на бензине или на городской земле за счет уменьшения размера машин и квартир, перемещаясь тем самым вверх по соответствующим неподвижным кривым спроса), а в конечном счете *сдвигающаяся вовне (вправо) кривая предложения*. Кривая предложения сдвигается вовне, потому что «запах» прибыли на уровне выше среднего в среднесрочной и долгосрочной перспективе (а именно так, по Маршаллу, определяются кривые спроса и предложения) поощряет вход новых продавцов на рынок. Открываются новые месторождения нефти, строятся новые заводы, заселяются новые пригороды, строятся новые многоэтажные дома, экономящие городскую землю, — именно так это вообще-то и было, например, после 1973 года, пока правительство не ввело ограничения на добычу нефти (как правило, по экологическим соображениям) или на строительство высоток (как правило, по коррупционным соображениям). Пикетти продолжает (не забывайте, что ему не приходит в голову, что высокие цены через некоторое время приводят к сдвигу кривой *предложения* вовне; он считает, что высокая цена приводит к сдвигу *кривой* спроса *внутрь (влево)*, вызывая «снижение цен» на редкие блага, такие как бензин или городская земля) — «это может быть сопряжено с неудобствами и со сложностями». Чтобы показать свое презрение к обычному функционированию системы цен, он в шутку замечает, что люди должны будут «пересесть на велосипед». Замена одних благ другими, приводящая к движению вдоль заданной или мистическим образом сдвигающейся *внутрь* кривой спроса без какой-либо реакции со стороны предложения «может длиться десятки лет, на протяжении которых владельцы недвижимости и производители нефти успеют накопить такие средства по сравнению с остальной частью населения [теперь у него кривая спроса по каким-то причинам смещается *наружу* быстрее, чем сдвигается наружу кривая предложения], что в их собственности окажется [по так и не объясненным причинам] всё, чем только можно обладать, в том числе [шуточная альтернатива —] велосипеды». Исковеркав элементарный анализ входа на рынок и предложения благ-заменителей — того, что в конечном счете и составляет экономическую историю мира, — он говорит о «катарском эмире» как о будущем владельце всех этих велосипедов во веки веков. Должно быть, эта фраза была написана до недавнего гигантского увеличения добычи нефти и газа в Канаде и США. Итак, разобравшись с этим в стиле блестящего первокурсника на третьей неделе изучения

⁶ В последних словах фразы есть расхождение между английским и русским переводами (последний выполнен с французского текста). Здесь эти слова приводятся по английскому тексту. — *Прим. ред.*

элементарной экономической теории, он триумфально приходит к выводу об очевидной глупости идеи, разделяемой дружественными богачам экономистами-неоклассиками: «...игра спроса и предложения вовсе не исключает... возможности большого и устойчивого расхождения в распределении дохода, связанного с крайними колебаниями некоторых относительных цен. В этом заключается суть принципа редкости Рикардо» [Piketty 2014. Р. 6—7; Пикетти, 2015. С. 25].

Я была настолько поражена этим фрагментом, что, призвав на помощь свой позорно слабый французский, обратилась к оригиналу, чтобы выяснить, не было ли это ошибкой в переводе. Это было снисходительное чтение, действительно очень снисходительное, потому что после всей предшествующей бессмыслицы осталось следующее: «...то спрос [вся кривая спроса?] на этот товар должен снизиться» (*alors la demande pour ce bien doit baisser*). Тем не менее английский у Пикетти намного лучше, чем мой французский: он преподавал в течение нескольких лет в Массачусетском технологическом институте и во время интервью говорит на отличном английском. Если он оставил бессмыслицу в переводе, выполненном Артуром Голдхаммером (Ph.D. по математике, осуществившем начиная с 1979 года целых 75 переводов книг с французского, *то спрос на этот товар должен снизиться*, хотя, по-видимому, это его первый перевод профессиональной книги по экономике), особенно в таком важном фрагменте, то можно предположить, что он считал это качественной экономической теорией, проницательной и даже исчерпывающей критикой этих глупых англо- или немецкоязычных экономистов, считающих, что кривые предложения смещаются вовне в ответ на увеличение редкости. (Я опять-таки призываю быть снисходительными: тот, кто никогда не допускал некоторого количества бессмыслицы в своих текстах и особенно в переводах с родного языка, пусть первым бросит в него камень.) В отличие от явно ошибочного английского перевода «что приведет к снижению его цены» — типичного высказывания запутавшегося студента-первокурсника — во французском варианте мы находим фразу *qui permettra de calmer le jeu* — «что позволит устранить диспропорции», или, более буквально, «что привнесет в игру некоторое успокоение [в данном случае речь идет об игре спроса и предложения]». Однако во французском языке фразу *calmer le jeu* на самом деле порой используют в экономическом контексте для обозначения предотвращения ценового пузыря. Трудно себе представить, чтобы слово «успокоение» в этом фрагменте означало бы что-нибудь иное, нежели противное экономической науке и здравому смыслу *снижение* цены в отсутствие реакции со стороны предложения. Остальная часть этого фрагмента не заслуживает снисходительного прочтения. Перевод этой части не вызывает возражений, и в ней излагается представление, очевидно разделяемое Пикетти, что реакция со стороны предложения не фигурирует в сюжете о спросе и предложении, который в любом случае неприятен и сложен — в отличие от таких сюжетов, как, например, государство, забирающее радикально увеличенную часть национального дохода в виде налогов с сопутствующей этому процессу неэффективностью, или государство, поощряющее пренебрежение

капиталистической собственностью и отдающее предпочтение «новым формам управления и совместной собственности, представляющим собой промежуточную форму между государственной и частной» [Piketty, 2014. Р. 573; Пикетти, 2015. С. 587], с сопутствующими этому коррупцией и отсутствием заинтересованности собственников в ответственном принятии на себя рисков.

Создается впечатление, что Пикетти не прочитал, а если и прочитал, то не понял теорию спроса и предложения, о которой он презрительно отзывается, — таких авторов, как Смит (одно насмешливое замечание на с. 9 (с. 3 русского издания)), Сэй (упомянут один раз вместе со Смитом в примечании, где он назван оптимистом), Бастиа (не упомянут), Вальрас (не упомянут), Менгер (не упомянут), Маршалл (не упомянут), Мизес (не упомянут), Хайек (одна цитата в сноске в связи с другой темой), Фридман (с. 548–549 (с. 559 русского издания)), но только в контексте монетаризма, а не системы цен). Иными словами, Пикетти не обладает квалификацией, позволяющей глумиться над саморегулируемым рынком (как, например, на с. 572 (с. 586 русского издания)), поскольку не имеет ни малейшего представления о том, как он работает. Это как если бы кто-то напал на теорию эволюции (которая аналогична применяемой экономистами теории входа на саморегулируемые рынки и выхода с них, то есть теории ответной реакции предложения, ранняя версия которой послужила источником вдохновения для Дарвина) без понимания естественного отбора, процесса Гальтона — Ватсона или современной генетики.

В некотором смысле это не вина Пикетти. Он получил образование во Франции, а французский стиль преподавания экономической теории (против которого было направлено движение изучающих экономику во Франции студентов, некорректно названное Постаутистическая экономика (Post-Autistic Economics, PAE)) является абстрактным и картезианским, он никогда не подразумевал обучение обычной теории цен, которую можно было бы применить для понимания рынка нефти с 1973 года по настоящее время⁷. Например, из-за реакции со стороны предложения, которая никогда не учитывается в книгах, написанных или неэкономистами (например, «Демографическая бомба» Пола Эрлиха (1986)), или экономистами, не понимающими элементарную экономическую теорию, реальная цена на нефть по сравнению с 1980 годом *снизилась*.

При более глубоком рассмотрении «структурное» мышление Пикетти характерно не только для левых, но и для мышления физиков и биологов, когда те пробуют свои силы в экономических вопросах. Именно поэтому журнал *Scientific American* полвека назад так любил анализ «затраты-выпуск» (который был также любовью моей юности) и регулярно публиковал аргументы физиков и биологов, касающиеся окружающей среды и основанные на леонтьевской производственной функции с фиксированными пропорциями. Ученые-неэкономисты декларируют: «У нас есть в наличии такая-

⁷ При этом, конечно, у вдохновившего это движение французского экономиста Бернара Гюррьена есть и свои проблемы. См.: [McCloskey, 2007].

то и такая-то структура, то есть полученные на данный момент учетные величины, например известные в настоящее время запасы нефти». Затем, игнорируя тот факт, что поиск новых запасов является экономической деятельностью, они вычисляют результат роста «спроса» (то есть величины спроса, которую они не отличают от кривой спроса в целом), не предполагая ни возможностей замещения, ни реакции на цены «вдоль кривой спроса», ни реакции на цены со стороны предложения, ни второго или третьего шага, ни того, что видно, и того, чего не видно — например, ответа предпринимателей на усиление редкости. Такой же была научная процедура Маркса в середине XIX века, и Пикетти ей следует.

* * *

Помимо вопросов экономической техники фундаментальной *этической* проблемой книги является то, что у Пикетти отсутствует рефлексия по поводу того, почему неравенство само по себе есть зло. Либеральная леди Гленкора Паллисер (урожденная McCluskie), героиня политического романа Энтони Троллопа «Финеас Финн» (1867–1868) заявляет: «Сделать мужчин и женщин равными — вот что я считаю сутью нашей политической теории», — в противоположность консервативному восхищению рангами и привилегиями. Но один из персонажей романа, представляющих радикалов в духе Кобдена, Брайта и Милля (Джошуа Монк) более ясно видит этическую суть дела: «Равенство — уродливое слово, оно пугает», — как оно в действительности долгое время и пугало политический класс в Великобритании, травмированный дикими французскими декларациями по поводу *égalité* и примером американского эгалитаризма (э-э-э... ладно, эгалитаризма для белых гетеросексуальных англо-саксонских мужчин среднего возраста из Новой Англии, неиммигрантов и протестантов основных деноминаций). Мотивом истинного либерала, продолжает Монк, должно быть не равенство, но «желание каждого честного [то есть благородного] человека... помочь подняться тем, кто ниже него» [Trollope, 1867–1869. Vol. I. P. 126, 128]. Такой этической цели можно было достичь, как говорит либерал-либертарианец Монк (подобный Ричарду Кобдену, Джону Брайту и Джону Стюарту Миллю в Великобритании и Фредерику Бастиа во Франции в то время, а в наши дни — Хайеку и Фридману, а также, если уж на то пошло, и “McCluskie”), не за счет прямых программ перераспределения, не путем регулирования, не с помощью профсоюзов, а в результате свободной торговли, принудительного образования, финансируемого за счет налогов, и наделения женщин имущественными правами — а также, как это имело место в реальности, за счет Великого обогащения, которое в конце XIX века наконец начало резко увеличивать реальную заработную плату во всей Европе, а затем и во всем мире.

В произошедшем улучшении условий жизни бедных в абсолютном выражении Великое обогащение сыграло несравнимо большую роль, чем перераспределение. Экономические историки Ян Газелей и Эндрю Ньюэлл в 2010 году отмечали произошедшее в Великобритании «сокращение аб-

солютной бедности среди рабочих семей вплоть до практически полной ее ликвидации за период с 1904-го по 1937 год». «Ликвидация удручающей бедности среди рабочих семей, — показывают они, — почти завершилась к концу 1930-х годов, задолго до появления социального государства. Приведенный в их работе рис. 2 показывает еженедельное распределение доходов в 1886-м, 1906-м, 1938-м и 1960-м годах, демонстрируя исчезновение классической линии нищеты британских рабочих, «живущих примерно на фунт стерлингов в день [Gazeley, Newell, 2010. Р. 1, 17, 19].

Конечно, когда сверхбогатая женщина покупает часы за 40 тыс. долл., это раздражает. Такая покупка с этической точки зрения сомнительна. Такой покупательнице действительно должно быть стыдно. Ей следовало бы отдавать свой избыточный доход, превосходящий то, что нужно для достаточно высокого уровня комфорта, эффективным благотворительным организациям — иметь, скажем, две машины, а не двадцать; два дома, а не семь; одну яхту, а не пять. Эндрю Карнеги в 1889 году провозгласил принцип, согласно которому «человек, который умирает столь богатым, умирает недостойно»⁸. Карнеги раздал все свое состояние (в момент смерти, то есть после того, как успел насладиться замком в своей родной Шотландии и некоторыми другими безделушками). Но то, что многие богатые люди ведут себя недостойным образом, не означает автоматически, что государство должно вмешаться, чтобы остановить их. Люди ведут себя недостойно во множестве самых разных ситуаций. Если нашим правителям поставить задачу обеспечить, чтобы мы в падшем мире оставались полностью нравственными, то государство взяло бы всю нашу жизнь под свою отеческую опеку и получился бы настоящий кошмар, вроде того, что существовал в Восточной Германии примерно до 1989 года, а в настоящее время существует в Северной Корее.

Опять-таки можно возразить, как это делает Пикетти, что экономический рост зависит от накопления капитала, а не от новой идеологии и идей по улучшению жизни, которые поощряются такой идеологией, и уж точно не от этики, поддерживающей идеологию. Пикетти, как многих американских «высоких либералов», европейских марксистов и консерваторов во всех странах мира, раздражает именно этическое притворство современных руководителей корпораций. Высокие начальники, пишет он, оправдывают свой экономический успех, настаивая «прежде всего на своих достоинствах и личных нравственных качествах, к числу которых они относили [в опросах] строгость, терпение, труд, усилия и т. д. (а также толерантность, любезность и т. д.)» [Piketty, 2014. Р. 418; Пикетти, 2015. С. 417]. Как выразился экономист Дональд Будро, «Пикетти предпочитает то, что он считает более честными оправданиями сверхбогатства, то, что предлагают представители элиты в романах [консерваторов] Остин и Бальзака, а именно: что такое богатство нужно, чтобы вести комфортный образ жизни, и точка. От этих дворян и их дам начала XIX века не услышишь никакого самовосхваления

⁸ [Carnegie, 1889], доступно по адресу: <http://www.swarthmore.edu/SocSci/rbannis1/AIH19th/Carnegie.html>.

и психологически утешительных рационализаций!»⁹. Поэтому Пикетти так презрительно бросает с высоты своей консервативно-прогрессивной позиции: «Герои Остин и Бальзака не сочли бы нужным так описывать свои личные качества по сравнению с характером своих слуг». На что Будро отвечает: «Да, правда, буржуазные добродетели в начале XIX века не были предметом такого восхваления и восхищения, каким стали позднее. Мы должны радоваться, что сегодняшние [очень] высоко оплачиваемые наемные работники хвастаются своими буржуазными привычками и добродетелями и что рабское — наконец-то! — понимают, что достойно иметь такие добродетели и действовать в соответствии с ними».

Теория большого богатства, разделяемая крестьянами, пролетариатом и их якобы защитниками из числа левой интеллигенции, считает его незаслуженным, нечестным, результатом удачи и кражи. Теория большого богатства, разделяемая аристократией и ее защитниками из числа правой интеллигенции, считает его заслуженным через наследование, которое, в свою очередь, оправдывается стародавней удачей или кражей, и это наследство мы, *aristoi*, должны, конечно, получить без психологически успокоительных рационализаций. Напротив, теория большого богатства, разделяемая буржуазией и ее друзьями, либеральными экономистами, приписывает его добродетели, заключающейся в том, чтобы этически правомерным образом, то есть без насилия, поставлять людям то, что они хотят купить.

Буржуазные добродетели, несомненно, преувеличиваются, особенно самой буржуазией, а иногда и ее друзьями. Но с точки зрения всех прочих из нас, похвальба добродетелью дает не такой уж плохой результат. Вспомните о поздних пьесах Ибсена, драматурга, ставшего первопроходцем в представлении буржуазной жизни. В «Кукольном доме» (1878) Хельмер, управляющий банка, характеризует клерка, пойманного на подлоге, как «нравственно погибшего», пережившего «нравственное падение» [Ibsen, 1879. P. 132; Ибсен, 1972. С. 262–263]. Речи Хельмера на протяжении всей пьесы насыщены этической риторикой, которую мы привыкли называть «викторианской». Но жена Хельмера Нора, чья риторика также этически насыщена, совершает такое же преступление, как и клерк. Впрочем, она совершает его для того, чтобы спасти жизнь своего мужа, а не для аморального получения прибыли, как тот клерк. К концу пьесы она совершает поступок, шокирующий для норвежской буржуазии 1878 года, — бросает Хельмера, потому что вдруг понимает, что если бы он знал о ее преступлении, то не стал бы следовать этике любви, то есть защищать ее от последствий подлога, который она совершила ради любви, а не ради прибыли. Этичная буржуазия (исследованию которой посвящены все пьесы Ибсена после 1871 года, а впоследствии и пьесы Артура Миллера) обременена сложной системой обязанностей. Буржуазия постоянно говорит о добродетели и иногда ее достигает.

⁹ Boudreaux D. The consumption gap between the rich and the rest of us. 2014. Blog in Café Hayek, January 21, <http://cafehayeck.com/2014/01/the-consumption-gap-between-the-rich-and-the-rest-of-us.html>; личная переписка.

В противовес насмешкам Пикетти над буржуазными добродетелями я утверждаю, что причины, давшие начало современному миру и поддерживающие его существование, на самом деле являются этическими, а не материальными [McCloskey, forthcoming]. Они состояли во всё более широком принятии двух простых идей: во-первых, новой и либеральной экономической идеи свободы для обычных людей и, во-вторых, новой и демократической идеи их достоинства. Две взаимосвязанные и противоречащие здравому смыслу этические идеи — общим словом для них является «равенство»: равенство уважения и равенство перед законом — привели к взрывному улучшению. Слово «равенство», понятное дело, не стоит воспринимать в духе некоторых французских просветителей как равенство материального результата. Сегодня и левые, и правые неотрerefлексированно исходят в своих спорах именно из французского определения: «Вы создали это не без помощи общества, поэтому нет никакого оправдания неравенству доходов»; «Вы, бедняки, просто недостаточно добродетельны, поэтому нет никакого оправдания вашему требованию уравнительных субсидий». Однако более фундаментальное определение равенства дало шотландское Просвещение, начавшееся после того, как шотландцы проснулись от своего догматического сна: равенство — это эгалитарное мнение людей друг о друге, будь то уличный носильщик или моральный философ [Peart, Levy, 2008]¹⁰. Моральный философ Смит, бывший в этом смысле пионером эгалитаризма, описывал шотландскую идею как ту, которая «предоставила каждому человеку преследовать свои интересы по своему собственному разумению при соблюдении равенства, свободы и справедливости» [Smith, 1776. Р. 664; Смит, 2007. С. 625].

Навязывание нелиберальными методами равенства результатов во французском духе, обуздывание слишком успешных, зависть по поводу глупых безделушек богачей, представление, что совместный дележ доходов столь же действенно служит благу бедняков, как и раздел пиццы на равные порции, отношение к бедным как к неисправимым детям, которых должны понукать и подталкивать эксперты из числа образованных, — за всё это, как оказалось, зачастую приходится платить высокую цену в виде ограничения свободы и замедления темпов улучшений. Не всегда, но часто.

Конечно, было бы хорошо, если бы свободное и богатое общество, следуя либерализму Смита, привело бы к равенству во французском смысле, которое и есть равенство по Пикетти. Старая новость, всё еще удивляющая некоторых людей, в том числе и Пикетти, состоит в том, что на самом деле в значительной степени так и произошло, если исходить из единственного этически релевантного критерия базовых прав человека и базовых удобств, таких как антибиотики, жилье и образование, и это заслуга либеральной, шотландской программы. Реализация шотландской программы, как это

¹⁰ Ким Примель из Берлинского университета им. Гумбольдта предлагает мне использовать термин «справедливость» (*equity*) как более точно отражающий шотландское понятие. Но я не хочу так легко отказываться от такого сущностно оспариваемого понятия, как французское *égalité*, которое на самом деле по своему первоначальному революционному смыслу было более шотландским, чем то, что я называю «французским».

было и в Гонконге, и в Норвегии, и в самой Франции, регулярно приводит к поразительным улучшениям и к реальному равенству результатов: бедные покупают автомобили, в кране есть горячая и холодная вода, чего раньше не было даже у богатых, получение политических прав и социального достоинства, в которых в прежние времена отказывалось всем, кроме богатых.

В последние десятилетия даже в странах, уже достигших высокого уровня развития, абсолютной стагнации реальных доходов обычных людей не происходило. Вы наверняка слышали, что «зарботная плата не растет» или что «средний класс сокращается». Но вы также знаете, что не стоит верить всему, что пишут в газетах. Это не означает, что в богатых странах, таких как США, нет неквалифицированных, страдающих зависимостями, недополучивших родительской заботы, дискриминируемых или просто ужасно невезучих людей. Недавняя книга Джорджа Пекера «Дорога под уклон: скрытая история современной Америки» (George Packer. *The Unwinding: An Inner History of the New America*. 2013) и более ранняя книга Барбары Эренрейх «Считая гроши: как (не) свести концы с концами в Америке» (Barbara Ehrenreich. *Nickel and Dimed: On (Not) Getting By in America*. 2001) рассказывают буржуазии о бедных, продолжая долгую и почтенную традицию, восходящую к «Воздадим хвалу знаменитым людям» Джеймса Эйджии и Уокера Эванса (James Agee, Walker Evans. *Let Us Now Praise Famous Men*. 1944) «Дороге на пирс Уигана» Джорджа Оруэлла (George Orwell. *The Road to Wigan Pier*. 1937), «Людям бездны» Джека Лондона (Jack London. *The People of the Abyss*. 1903), «Как живут остальные: очерки трущоб Нью-Йорка» Джейкоба Рииса (Jacob Riis. *How the Other Half Lives: Studies among the Tenements of New York*. 1890) и к первоисточнику — «Положению рабочего класса в Англии» Фридриха Энгельса (1845). Эти авторы не выдумывают всё это. Любой, кто читает такие книги, тем самым уже оказывается выдернут из комфортного незнания о «другой половине». В художественной форме тот же самый эффект производят «Гроздь гнева» Джона Стейнбека (John Steinbeck. *The Grapes of Wrath*. 1939), трилогия о Стадсе Лонигане Джеймса Фаррелла (James Farrell. *Trilogy about Studs Lonigan*. 1932–1935), «Сын Америки» Ричарда Н. Райта (Richard N. Wright. *Native Son*. 1940), а если говорить о Европе, то среди многих произведений, посвященных «двум народам в одной стране», можно отметить роман Эмиля Золя «Жерминаль» (Émile Zola. *Germinal*. 1885), который многих из нас сделал социалистами. Такое «выдергивание» благотворно. Говорят, что потомок аристократов Уинстон Черчилль верил, что большинство бедных англичан живут в покрытых розами коттеджах. Он не мог себе представить ряды домов с общей задней стенкой в Сэлфорде с общей уборной в конце ряда. Проснись, Уинстон!

Но проснуться не означает впасть в отчаяние или бросаться проводить внешне привлекательную политику, которая на самом деле не помогает бедным, или предлагать свергнуть Систему, в то время как Система на самом деле обогащает бедных в длительной перспективе или во всяком случае обогащает бедных лучше, чем системы, которые уже были неод-

нократно опробованы раньше. Праведное, хотя и не обременительное, негодование, вызванное виной выживших перед предполагаемыми «жертвами» чего-то, называемого «капитализмом», и завистливым гневом по поводу неразумного потребления богачей, не всегда приводит к улучшению положения бедных. Высказывания наподобие «по-прежнему есть бедные люди» или «у одних людей больше власти, чем у других» хотя и претендуют на позицию морального превосходства говорящего, не являются ни глубокими, ни умными. То, что вы будете их повторять или мудро кивать тем, кто их повторяет, или купите книгу Пикетти, чтобы выставить ее на обозрение на своем журнальном столике, не сделает вас хорошим человеком. Вы будете хорошим человеком, если на самом деле поможете бедным. Откройте бизнес. Организуйте выдачу таких ипотечных кредитов, чтобы бедные смогли их себе позволить. Изобретите новую батарейку. Проголосуйте за улучшение школ. Усыновите пакистанского сироту. Станьте волонтером и кормите людей в церкви Милости по утрам в воскресенье. Предложение фальшивых, контрпродуктивных политических мер, реальные последствия которых состоят в сокращении возможностей для трудоустройства, или демонстрация негодования перед собственным мужем после прочтения *Sunday New York Times Magazine* не могут помочь бедным.

На самом деле экономика и общество США не катятся под уклон, а люди сводят концы с концами всё лучше и лучше. Дети семей издольщиков в Хейл Каунти, шт. Алабама, которых к неизменному неудовольствию старших членов их семей сделали героями своей вышеупомянутой книги Джеймс Эйджи и Уокер Эванс, очень неплохо живут, у них есть рабочие места, а многие их дети поступили в колледж [Whitford, 2005]. Даже если в долгосрочной перспективе останется некоторое количество бедных людей, это не будет означать, что система не улучшает положение бедных, до тех пор пока условия их жизни продолжают улучшаться, как это и происходит на самом деле в противоположность тому, о чем сообщается в газетных историях и в пессимистических книгах, и пока процент безнадежно бедных стремится к нулю, что тоже имеет место в действительности. То, что люди до сих пор иногда умирают в больницах, не означает, что медицину нужно заменить знахарями, до тех пор пока уровень смертности падает, а уровень смертности в результате лечения знахарей не стал падать.

А бедность действительно снижается — даже в последнее время и даже в богатых странах. Если измерять доходы корректно, включая улучшение условий труда, увеличение продолжительности образования, улучшение здравоохранения, большее число лет, проводимых на пенсии, увеличение субсидий в рамках программ борьбы с бедностью и, что важнее всего, повышение качества всё большего количества товаров, реальные доходы бедных продолжают расти, пусть и более медленными темпами, чем в 1950-х годах, то есть после катастрофических перерывов, связанных с Великой депрессией и Второй мировой войной [Boudreaux, Perry, 2013]. Экономист Ангус Дитон отмечает, что, «как только восстановление завершено [как это произошло, например, в 1970 году], новый рост зависит от изобретения

новых способов действия и внедрения их в практику, и это распахиwanie целины труднее, чем повторная вспашка старой борозды» [Deaton, 2013a]. Кроме того, бедные люди всего мира не платят за рост. Экономисты Ксавье Сала-и-Мартин и Максим Пинковский на основе детального исследования распределения индивидуальных доходов (в отличие от сравнения распределения по странам) приходят к выводу, что «бедность в мире снижается. В период с 1970-го по 2006 год глобальный уровень бедности [определяемый в абсолютных, а не в относительных терминах] сократился почти на три четверти. Доля населения мира, живущего менее чем на 1 доллар в день (в скорректированных по паритету покупательной способности долларах 2000 года), изменилась с 26,8% в 1970 году до 5,4% в 2006 году»¹¹.

Размышляя о вопросах, которые так энергично поднимает Пикетти, важно четко понимать, о неравенстве чего именно идет речь. Разумеется, владение физическим капиталом и правами требования на него распределено не равномерно, хотя пенсионные фонды и тому подобные организации в определенной мере это компенсируют. Доходность, которую приносят соответствующие доли в капитале страны, составляет доходы богатых, особенно богатых в силу наследства, по поводу которых больше всего беспокоится Пикетти. Но если измерять величину капитала более полно, то есть включить в него приобретающие всё большую значимость человеческий капитал, например высшее образование по инженерным специальностям, и капитал, находящийся в общей собственности, например общественные парки и современные знания (в частности, Интернет), то доход на капитал оказывается распределенным менее неравномерно, чем права требования на физический капитал.

Кроме того, распределение потребления гораздо менее неравномерно, чем распределение доходов даже при корректном их измерении. Можно было бы подумать, что богатому человеку, владеющему семью домами, в семь раз лучше, чем бедному, у которого едва ли есть хотя бы один. Но, конечно же, это не так, потому что этот человек может потреблять дома, только занимая в каждый момент времени один из них, точно так же, как он может потреблять в каждый момент только одну пару обуви и т. д. Конечно, бриллиантовый браслет, лежащий на дне полной шкатулки неношеным, — это основание для возмущения, поскольку его богатая владелица могла бы внести плату за обучение детей в школе за тысячу семей в Мозамбике, а вместо этого по-дурацки потратила эти деньги на безделушку в прошлом сезоне в Канне. Ей действительно должно быть стыдно за потакание своим бессмысленным тратам. Это важный этический вопрос, хотя и не вопрос публичной политики. Но в любом случае эти расходы не увеличили ее фактическое потребление в каждый отдельный момент.

¹¹ *Sala-i-Martin X., Pinkovskiy M.* Parametric estimations of the world distribution of income. VOX 22, January, 2010. <http://www.voxeu.org/article/parametric-estimations-world-distribution-income>; [Sala-i-Martin, 2006]. «Корректировка по паритету покупательной способности» означает учет текущей покупательной способности по местным ценам в отличие, например, от цен, наблюдаемых в США. Такой подход стал стандартным и представляет собой усовершенствование по сравнению с использованием обменных курсов, на которые в значительной мере влияют финансовые рынки.

Наконец, и это самое главное, в наши дни люди в гораздо более равной мере потребляют базовые удобства или предметы необходимости, чем остальные предметы потребления, и неравенство такого базового потребления гораздо меньше, чем неравенство доходов, капитала или физического богатства, причем по мере того, как продолжают истории обогащения разных стран, равенство в этом отношении становится всё больше и больше. Поэтому экономический рост, как бы неравномерно он ни аккумулировался в виде богатства и в каком бы неравенстве в получаемых доходах ни выражался, является более эгалитарным в отношении потребления и на данный момент привел к весьма равномерному потреблению самого необходимого. Как предсказывал экономист Джон Бейтс Кларк в 1901 году: «Заработная плата типичного работника будет увеличиваться с одного доллара в день до двух, с двух до четырех и с четырех до восьми [это предсказание было точным вплоть до 2012 года в терминах реального душевого дохода, хотя такой расчет не учитывает радикального улучшения качества товаров и услуг по сравнению с 1901 годом. — Д. М.]. Такой выигрыш будет иметь для него намного большее значение, чем могло бы иметь для богатых любое возможное увеличение капитала... Следствием именно этого изменения станет непрерывное приближение к равенству в подлинной удовлетворенности жизнью» [Clark, 1901].

Экономисты Дональд Будро и Марк Перри отмечали в 2013 году, что «по данным Бюро экономического анализа, расходы домохозяйств на многие “базовые” предметы современной жизни — домашнее питание, автомобили, одежду, обувь, домашнюю мебель и бытовую технику, жилье и коммунальные услуги — снизились с 53% располагаемого дохода в 1950 году до 44% в 1970 году и до 32% в настоящее время». Эту же мысль применительно к более длительному периоду высказал в 1999 году экономический историк Роберт Фогель [Fogel, 1999]. Экономист Стивен Хорвиц приводит данные о количестве рабочих часов, необходимых для того, чтобы купить цветной телевизор или автомобиль, и добавляет, что «эти данные не учитывают... изменения качества... Телевизор 1973 года выпуска имел экран не более 25 дюймов с низким разрешением и, вероятно, не имел дистанционного управления, был оснащен слабым звуком, одним словом — мало чем походил на своего «преемника» 2013 года выпуска... Выжать 100 000 миль пробега из автомобиля в 1970-х годах было поводом для торжества. Не достичь 100 000 миль пробега на сегодняшнем автомобиле — это основание считать, что вы приобрели барахло» [Horwitz, 2013. Р. 11].

В США бедные вовсе не становятся беднее. Хорвиц отмечает, что «при рассмотрении различных данных о потреблении, от статистических материалов Бюро переписей о том, что имеется у бедных людей дома, до оценки рабочего времени, необходимого для приобретения различных потребительских товаров, становится ясно, что бедные американцы живут лучше, чем когда-либо прежде. Более того, согласно этим критериям бедные американцы сегодня живут лучше, чем жили в 1970-х годах их соотечественники, принадлежавшие к среднему классу» [Horwitz, 2013. Р. 2]. Летом 1976 года доцент кафедры экономики в Чикагском университете не имел дома кон-

диционера¹². Сегодня он есть у многих довольно бедных жителей Чикаго. От страшной жары, случившейся в этом городе в июле 1995 года, погибли более 700 человек, в основном с низким уровнем дохода¹³. Однако более ранние случаи аномальной жары, имевшие место в 1936-м и 1948-м годах, то есть до того, как получило распространение кондиционирование воздуха, наверняка убили гораздо большее число людей¹⁴.

* * *

Политолог и публичный интеллектуал Роберт Райх утверждает, что мы, тем не менее, должны бить тревогу по поводу неравенства, понимаемого в духе коэффициента Джини, а не тратить всю свою энергию на улучшение положения бедных в абсолютном выражении. «Увеличение неравенства, — заявляет он, — противоречит основному идеалу страны, который состоит в равенстве возможностей... Увеличение неравенства по-прежнему препятствует вертикальной мобильности. Это так просто потому, что лестница становится намного длиннее. Расстояние между ее нижней и верхней перекладинами, а также между всеми промежуточными ступеньками теперь намного больше. Человек, поднимающийся по ней с той же скоростью, что прежде, с неизбежностью достигнет гораздо меньшей высоты» [Reich, 2014]. Райх ошибается. Хорвиц приводит результаты исследования индивидуальной мобильности в 1969–2005 годах, проведенного Джулией Айзекс: «82% детей беднейших 20% населения по состоянию на 1969 год в 2000 году имели [реальный] доход выше, чем был у их родителей в 1969 году. Медианный [реальный] доход этих детей бедняков 1969 года был вдвое больше, чем у их родителей» (цит. по: [Horwitz, 2013. Р. 7]). Нет сомнений в том, что детям и внукам английских шахтеров 1937 года, которых Джордж Оруэлл описывает «путешествующими» под землей — проходящими согнувшись в три погибели милю или даже больше, чтобы добраться до забоя, то есть до той точки, где им начинают платить, — живется гораздо лучше, чем их отцам и дедам. Нет сомнений и в том, что детям и внукам людей, бежавших в Калифорнию от Пыльного котла, живется лучше, чем им самим. Стейнбек в «Гроздьях гнева» запечатлел их худшие и самые страшные дни. Через несколько лет выходцы из Оклахомы получили рабочие места в военной промышленности, а многие их дети позже поступили в университет. Некоторые пошли дальше и стали университетскими профессорами, которые считают, что бедные становятся беднее.

Типичный способ рассуждать о бедности, особенно характерный для левых, основывается на процентном распределении доходов, когда всё внимание приковано к *относительной* «черте бедности». Однако, как от-

¹² В табл. 4 в: [Horwitz, 2013] показан процент бедных домохозяйств, имеющих различные бытовые приборы: в 1971 году кондиционеры были у 32% таких домохозяйств, а в 2005 — уже у 86%.

¹³ [Klinenberg, 2003]. Жара 2003 года во Франции, недостаточно оснащенной кондиционерами, убила 14,8 тыс. человек, а во всей Европе число погибших достигло 70 тыс.

¹⁴ В работе [Vargesa et al., 2013] продемонстрировано, что кондиционирование воздуха оказывает сильное влияние на уровень смертности в США в периоды аномальной жары.

мечает прогрессивный австралийский экономист Питер Сондерс, такое определение бедности «автоматически сдвигается вверх всякий раз, когда реальные доходы (и, следовательно, черта бедности) растут» [Saunders, 2013. Р. 214]. Бедные всегда есть, но это следствие данного определения — эффект, противоположный эффекту Вобегон-Лейка: в данном случае речь идет не о том, что все дети получают оценки выше средней, а, напротив, о том, что в любом распределении всегда есть нижняя пятая или десятая, или какая угодно часть. А как же иначе?

Философ Гарри Франкфурт давно заметил: «Вычислить размер равной доли [дохода, понимаемой в духе понятий черты бедности или коэффициента Джини. — Д. М.] на самом деле намного проще, чем определить, сколько нужно человеку, чтобы этого было достаточно». «Намного проще» — это значит разделить ВВП на численность населения и раздраженно заявить, что некоторые люди зарабатывают, или во всяком случае получают, больше [Frankfurt, 1987. Р. 23–24]. Это упрощенная этика школьного двора или дележа пиццы: «Так нечестно». Но, как отмечает Франкфурт, неравенство само по себе этически нерелевантно: «Экономическое неравенство как таковое не имеет особого морального значения». С позиции этической истины в духе Джошуа Монка из романа Тrolлопа мы хотим улучшить положение бедных до такого уровня, чтобы у них было «достаточно» для того, чтобы быть участниками демократического общества и вести полноценную жизнь. С этической точки зрения неважно, имеют ли бедные такое же количество бриллиантовых браслетов и автомобилей *Porsche*, как и владельцы хедж-фондов. Но действительно важно, есть ли у них такие же возможности голосовать, научиться читать или иметь крышу над головой. Конституция шт. Иллинойс 1970 года может служить ярким примером путаницы между понятиями положения рабочего класса, с одной стороны, и разрывом между богатыми и бедными — с другой. В ее преамбуле говорится, что ее цель — «ликвидировать нищету и *неравенство*»¹⁵. Нам следовало бы вместо этого сосредоточиться непосредственно на том, чего мы действительно хотим достичь, а именно на равенстве средств к существованию и на равном достоинстве, на ликвидации нищеты или на том, что экономист Амартия Сен и философ Марта Нуссбаум называют обеспечением адекватных возможностей. Величина коэффициента Джини или доли беднейших 10% не имеет значения с точки зрения благородной и этически релевантной цели улучшения положения бедных до достойного уровня — того самого, который Франкфурт называет «достаточным».

Большая часть исследований по экономике неравенства спотыкается на этом простом этическом постулате, сосредотачивая внимание на показателях относительного неравенства, таких как коэффициент Джини или доля 1% самого богатого населения, а не на показателях благосостояния бедных в абсолютном выражении; на неравенстве, а не на бедности. Говоря об эгалитаризме философа права Рональда Дворкина, Франкфурт отмечает, что тот на самом деле с этической точки зрения «заботится главным образом

¹⁵ Constitution of the State of Illinois (<http://www.ilga.gov/commission/Irb/conent.htm>).

об [абсолютной] ценности жизни людей, но ошибочно представляет себя как озабоченного в основном относительной величиной их экономических активов» [Frankfurt, 1987. P. 34]. Сам Пикетти едва доходит до заботы о «самых бедных» ([Piketty, 2014. P. 577; Пикетти 2015. С. 591], это последние слова в последнем предложении книги, хотя он иногда упоминает эту тему в тексте книги и прежде, например: [Piketty, 2014. P. 480; Пикетти, 2015. С. 479–480]).

Иными словами, Дворкин, Пикетти и очень часто многие другие левые обычно не понимают либеральную (в духе Джошуа Монка) этическую суть дела, состоящую в улучшении положения бедных. Как этого достичь? Посредством перераспределения? Достижением равенства в количестве бриллиантовых браслетов? Нет, радикальным увеличением размера «пирога», что исторически и дало бедным 90–95% «достаточного» в противоположность 5–10%, которых можно достичь перераспределением без увеличения самого «пирога». Экономический историк Роберт Марго в 1993 году отмечал, что до принятия американского Закона о гражданских правах 1964 года «черные американцы не могли претендовать на высокооплачиваемые «беловоротничковые» рабочие места» из-за дискриминации. Тем не менее еще пребывая в рабстве, афроамериканцы сами, своими силами подготовили себя к возможности выполнять такую работу, если им предоставят эту возможность. «Чернокожие представители среднего класса в значительной степени обязаны своим успехом сами себе» и всё более образованному и производительному обществу, в котором они жили. «Что было бы, если бы чернокожие работники в момент начала движения за гражданские права были такими же неграмотными, бедными, привязанными к сельской жизни и к Югу, как во времена, когда Линкольн освободил рабов?... Был бы у нас такой же большой черный средний класс, как есть сегодня? Очевидно, что нет» [Margo, 1993. P. 65, 68, 69].

Тем не менее левые из всех сил трудятся (и Пикетти действительно проделал огромную работу), причем из лучших побуждений, чтобы сохранить и защитить свою этически нерелевантную фиксацию на коэффициенте Джини и особенно на возмутительном потреблении очень богатых людей.

* * *

В странах, которые позволили произойти этическим изменениям, для бедных людей «достаточность» по Франкфурту в значительной степени достигнута. Я говорю «в значительной степени», а не «полностью» или «настолько, насколько хотел бы любой благородный человек», но и это намного больше, чем позволяли альтернативные системы. Кроме того, контраст между положением рабочего класса в демонстративно «капиталистических» США и в странах, заявляющих о себе как о социал-демократических, таких как Нидерланды или Швеция, на самом деле не очень большой, в противоположность тому, что вы слышали от журналистов и политиков, которые не заглядывали в фактические статистические данные, не жили более чем в одной стране и полагают, что половина американского населения состоит

из бедных афроамериканцев, живущих в городах. На практике в богатых странах устройство «социальной страховочной сетки» весьма сходно.

Но «страховочная сетка», с дырами или без, не служит основным социальным лифтом для бедных ни в США, ни в Нидерландах, ни в Японии, ни в Швеции, ни в других странах. Главным лифтом является Великое обогащение. Будро отмечает, что настоящий миллиардер, участвовавший в его семинаре, не сильно отличался на вид от «бедного» аспиранта, пишущего статью о коэффициенте Джини. «Во многих базовых элементах жизни почти каждый американец столь же благополучен, как и мистер Бакс [псевдоним для миллиардера]. Если различия в уровне богатства между миллиардерами и простыми американцами едва заметны в самых обычных аспектах повседневной жизни, то испытывать тревогу по поводу коэффициента Джини означает неблагоразумно отдавать приоритет эфемерным абстракциям перед осязаемой реальностью» [Boudreaux, 2001]. У мистера Бакса, несомненно, было больше домов и «Роллс-Ройсов», чем у аспиранта. Однако тут можно задать нахальный, но всегда уместный вопрос: ну и что?

Таким образом, самая фундаментальная проблема с книгой Пикетти состоит в том, что главным событием последних двух столетий было не то, на чем она сосредоточена, не распределение доходов, а Великое обогащение среднего жителя планеты в 10 раз, а в богатых странах — в 30 и более раз. Огромное обогащение во всем мире невозможно объяснить накоплением капитала, хотя экономисты утверждали противоположное, начиная с Адама Смита, включая Карла Маркса и заканчивая Пикетти, что подразумевается самим словом «капитализм». Наши богатства были созданы не прибавлением кирпича к кирпичу, степени бакалавра к степени бакалавра, банковского счета к банковскому счету, а прибавлением идеи к идее. Кирпичи, степени бакалавра и банковские счета — накопление капитала — были, конечно, необходимы, как и рабочая сила и существование жидкой воды. Точно так же для огня необходим кислород. Но было бы неразумно объяснять пожар в Чикаго 8–10 октября 1871 года наличием кислорода в атмосфере Земли. Правильнее было бы сказать, что причиной стали продолжительная засуха, деревянные здания города, сильный юго-западный ветер и корова миссис О'Лири. Современный мир нельзя объяснить наложением друг на друга отдельных практик, таких как торговля в Индийском океане, банковская деятельность в Англии, британская норма сбережений, трансатлантическая работоторговля, огораживания, эксплуатация рабочих на «дьявольских мельницах» и первоначальное накопление капитала (физического или человеческого) в европейских городах [McCloskey, 2010]. Такие практики обычны в мировой истории и слишком слабы в количественном воздействии, чтобы объяснить десяти-, тридцати- или стократное обогащение в расчете на одного человека, являющееся уникальным феноменом последних двух столетий. Причиной были идеи, а не отдельные практики. Идеи были впервые высвобождены благодаря новой свободе и достоинству — то есть идеологии, известной европейцам как «либерализм». Причиной становления современного мира не был «капитализм», который существует с древности и повсеместно — в отличие

от либерализма, который в 1776 году был революционным. Великое обогащение, начавшееся в 1800 году и продолжающееся по настоящее время, это самое неожиданное из продолжительных событий мировой истории, объясняется идеями усовершенствований, поток которых был порожден либерализмом.

Рассмотрим в свете Великого обогащения одно из излюбленных политических предложений Пикетти и левых. Идея обложить налогом богатых, чтобы помогать бедным, на первый взгляд кажется хорошей. Когда буржуазный ребенок впервые понимает, как бедны другие люди в каком-то другом районе, у него, естественно, появляется желание открыть для них свой кошелек, а еще лучше — папин бумажник. Именно в таком возрасте — в 16 лет или около того — мы формируем свои политические идентичности, которые, как и преданность той или иной футбольной команде, впоследствии редко пересматриваем на основе фактических доказательств. В конце концов наши семьи — это маленькие социалистические экономики, где мама играет роль органа централизованного планирования. «Давайте перестроим общество, — предлагает щедрый подросток, — в одну большую семью из 315 миллионов человек». Такая перестройка, несомненно, решит проблему бедности, так как положение бедняков можно будет улучшить за счет больших сумм денег, например изъятия у богачей 20 или 30% их краденых доходов. В античном рабовладельческом обществе ребенок рабовладельцев не испытывал такого чувства вины, поскольку бедняки очень отличались от таких, как он. Но как только естественность иерархии поставлена под сомнение, как это произошло в XVIII веке в Северо-Западной Европе и в XIX веке во многих других частях света, принятие социализма кажется очевидным. Не можете служить Богу и мамоне («мамона» — арамейское слово, означающее «деньги»).

Равенство является естественным в доме, где есть один источник доходов — отец или, в последнее время, мать — и стоит задача «распределения» доходов. Папа может получать больше еды, если работает забойщиком в шахте и нуждается в дополнительных калориях, чтобы отработать десятичасовую смену, но в остальном распределение естественным и этически оправданным образом оказывается равным. Равенство естественно для семьи. Шведским политическим девизом начиная с 1920-х годов было слово *folkhemmet*, означающее «народный дом». Но народ — это не дом. В Великом обществе (как называл его Хайек, используя выражение президента Джонсона), то есть в большом обществе в противоположность маленькой группе или семье, источником дохода выступает не зарплата отца, а мириады совершаемых нами ежедневно специализированных обменов с незнакомыми людьми. Равенство «распределения» не является естественным для общества, которое, как в случае Швеции, включает 9 млн человек, и уж тем более для такого, которое состоит из 315 млн человек, как в случае США.

В некоторых важных аспектах даже равенство, понимаемое во французском духе, увеличивается благодаря этике рынка. Свободный вход на рынки разьедает монополии, благодаря которым в традиционных обществах одно

племя неизменно остается богатым, а другое — бедным. Рынок труда стирает различия в оплате труда между одинаково производительными работниками хлопчатобумажной отрасли и даже между, с одной стороны, профессором, который преподает, используя то же самое скудное оснащение, что и Сократ (состоящее из места, чтобы рисовать схемы, — покрытого песком клочка земли в Афинах в Греции или классной доски в Афинах, шт. Джорджия, — и толпы студентов), и, с другой стороны, пилотом самолета, применяющим лучшие плоды технологической цивилизации. Пилот производит за час количество транспортных услуг, имеющее в тысячу раз большую ценность, чем греческий кормчий в 400 году до н. э. Профессор, если ему очень повезет, произведет то же количество понимания в расчете на одного учащегося в час, что и Сократ. Но в свободном, большом, мобильном, торгующем обществе равенство физической производительности не имеет значения. Значение имеет вход в ту или иную сферу деятельности и выход из нее. В долгосрочной перспективе профессор может стать пилотом гражданской авиации, а пилот — профессором, и этого достаточно, чтобы даже таким работникам, как профессор, не увеличившим свою производительность на протяжении последних 2500 лет, предоставить равную долю лучших плодов.

Отметив эти весьма эгалитарные результаты общества, основанного на прошедших проверке рынком улучшениях, что можем мы сказать по поводу последующего «распределения» его плодов? Почему нам не следует — здесь уместно спросить, кто такие эти «мы»? — изымать высокие доходы у профессора, пилота или наследницы фирмы *L'Oréal* и перераспределять их в пользу мусорщиков и уборщиков? Ответ состоит в том, что суммы, которые люди зарабатывают, — это не произвольный налог, взимаемый с остальных. Последнее — это то, как выглядело бы неравенство в маленьком социализме домашнего хозяйства: Золушке достается меньше еды, чем ее уродливым сестрам, просто по злой прихоти мачехи. Зарботки же поддерживает удивительно сложное, во многом спонтанное и никем не планируемое разделение труда, а следующий шаг определяется разницей в заработках — прибыльностью вида деятельности или профессии. Если врачи зарабатывают в десять раз больше, чем уборщики, это означает, что остальная часть общества, которая добровольно платит и докторам, и уборщикам, говорит: «Если в долгосрочной перспективе уборщики могут стать врачами, то пусть большее их число перейдет в сферу медицины». Если мы редуцируем Великое общество до семьи путем обложения богатых налогом, мы тем самым разрушим механизм передачи сигналов. Без таких сигналов относительно ценности, которую потребители придают каждому дополнительному часу услуг, люди будут метаться между уборкой и врачеванием, причем ни то, ни другое не будет делаться хорошо. Великое общество превратится в неспециализированное общество типа домохозяйства, и если оно состоит из 315 млн человек, то последние окажутся равными в нищете и общество потеряет огромный выигрыш от специализации и накопленной изобретательности, которые транслируются в профессиональном сообществе через образование и через стабильно улучшающихся роботов (от-

метим, что все инструменты являются роботами), применяемых в каждой профессии, таких как гвоздезабивные пистолеты и компьютеры, которые делают из плотников и школьных учителей всё лучших и лучших мастеров в деле предоставления другим людям, соответственно, новых домов и услуг образования.

Перераспределение, хотя оно и успокаивает буржуазное чувство вины, никогда не было главным источником пропитания бедных. Социальная арифметика показывает, почему это так. Если бы вся прибыль в американской экономике была немедленно передана наемным рабочим, они (в том числе некоторые исключительно высокооплачиваемые «наемные рабочие», такие как звезды спорта, поп-звезды и топ-менеджеры больших компаний) сразу окажутся в примерно на 20% лучшем положении. Но это однократное событие. Такая экспроприация означает не ежегодный 20-процентный прирост сегодня и на веки вечные, а лишь одноразовое увеличение, поскольку вы не можете экспроприировать одних и тех же людей из года в год и ожидать, что они будут приходить с теми же суммами денег в готовности быть экспропрированными снова и снова. Одноразовая экспроприация повысит доход рабочих на 20%, а затем он возвратится к прежнему уровню или в лучшем случае (если прибыли чудесным образом могут быть просто изъяты государством без ущерба для их уровня, а потом распределены между всеми нами святыми бюрократами, не склонными к воровству и не имеющими хороших друзей) продолжит увеличиваться тем темпом, которым экономика росла до этого (в предположении, что экспроприация дохода на капитал не приведет к снижению темпов роста «пирога», что противоречит природе вещей и не подтверждается результатами коммунистических экспериментов — начиная с общины «Новая Гармония» в шт. Индиана и заканчивая сталинской Россией).

Если говорить об экспроприации посредством регулирования, то, например, установление актом Конгресса десятичасовой оплаты за восемь часов работы опять-таки однократно повысит доходы части рабочего класса на 25%. Так произойдет на первом шаге, если исходить из того же неестественного предположения, что «пирог» в результате этого не уменьшится вследствие того, что менеджеры и предприниматели станут покидать ныне убыточную сферу деятельности. Перераспределение кажется хорошей идеей до тех пор, пока вы не задумаетесь, что при таких ставках оплаты руководители с самого начала будут менее склонны нанимать людей на работу и что те, кто не получил этого подарка (к примеру, сельского хозяйства), обнаружат, что их реальные доходы уменьшились, а не выросли.

Вот еще одна идея для перераспределения доходов: давайте отберем вызывающую беспокойство высокую долю доходов, получаемых в США 1% самых высокодоходных граждан, которая в 2010 году составляла около 22% национального дохода, и отдадим ее нам остальным. Нам станет лучше на 22/99, то есть чуть менее чем на 22%. Сформулируем эту мысль по-другому. Предположим, что людям, управляющим экономикой (как владельцам небольших магазинов в городских микрорайонах, так и зловредным владельцам несметных богатств), разрешено зарабатывать прибыль. Но пусть

при этом получатели прибыли, следуя традиции Евангелия благосостояния и социальному учению католической церкви, решили вести скромную жизнь и отдавать все свои излишки бедным. Экономист Дэвид Коландер заявляет, что «мир, в котором все богатые индивиды... [убеждены], что долг каждого человека — раздать большую часть своего богатства прежде, чем он умрет,.. значительно отличался бы от... нашего мира» [Colander, 2013. Р. XI]. Но минуточку. Доходы остальных (многие из которых — университетские профессора, получающие стипендии Гутгенхайма, или симпатичные леваки, которым фонд Макартуров предоставляет «гранты для гениев») выросли бы на 20%, но это несравнимо по величине с плодами современного экономического роста. К тому же даже этот расчет предполагает, что все прибыли достаются «богатым индивидам».

Дело в том, что 20, 22 или 25% — величины, несравнимые с Великим обогащением, которое, в свою очередь, как исторический факт не имело ничего общего с подобным перераспределением или с благотворительными взносами¹⁶. Важно понять, что помощь бедным в результате одноразового перераспределения — это величина на два порядка меньшая, чем увеличение на 2900% в результате увеличения производительности в ходе начавшегося в 1800 году Великого обогащения. С исторической точки зрения 25% надо сравнивать с ростом реальной заработной платы в период с 1800 года до наших дней в 10 или 30 раз, то есть на 900% или на 2900%. Иными словами, самым бедным может стать немного лучше, если экспроприировать экспроприаторов или убедить богатых «раздать всё бедным и идти за Мной», но им стало намного лучше благодаря тому, что они стали жить в радикально более производительной экономике.

Если мы хотим существенно улучшить положение бедняков или тех, кто не является хозяевами и предпринимателями, то 2900% всегда выигрывают у 20–25%. Акцент председателя Мао на классовой борьбе привел к потере всего того выигрыша, который принесла его китайская революция. Когда его наследники в 1978 году перешли к «социалистической модернизации», они (непреднамеренно) освоили процесс улучшений, проверяемых рынком, и за тридцать лет достигли повышения реального душевого дохода в Китае в 20 раз — то есть не на 20%, а на 1900%¹⁷. Антиуравнительным девизом Дэн Сяопина стало: «Пусть некоторые разбогатеют первыми». Это была «Буржуазная сделка»: «Вы предоставляете мне, буржуазному прожектору, свободу и достоинство, чтобы я мог опробовать свои проекты на добровольном рынке, и позволяете мне оставить себе прибыль, если я ее получу в первом акте — хотя я неохотно соглашаюсь с тем, что другие будут конкурировать со мной во втором. Взамен этого в третьем акте новой драмы с положительной суммой произведенные мной (и этими назойливыми конкурентами, сбивающими цены и делающими низкосортную продукцию) буржуазные улучшения сделают богатыми *всех вас*». Так и вышло.

¹⁶ Немецкий историк Юрген Кокка указал мне на то, что борьба рабочих, возвышая достоинство индивида, возможно, способствовала широкому признанию достоинства современной изобретательности.

¹⁷ О событиях 1978 года см.: [Coase, Wang, 2013. Р. 37; Коуз, Ван, 2016. С. 64].

В отличие от Китая, который растет на 10% в год, и Индии с ее ростом 7%, остальные страны БРИИКС — Бразилия, Россия, Индонезия и ЮАР — застряли со своими антинеолиберальными идеями, такими как аргентинская идея самодостаточности, британский юнионизм 1960-х годов, немецкое трудовое законодательство 1990-х годов и ложно истолкованный южнокорейский «экспортоориентированный рост». Более того, вся литература о «ловушке среднего дохода», посвященная, в частности, Бразилии и ЮАР, основана на меркантилистской идее, что экономический рост зависит от экспорта, который якобы увеличивается медленнее, когда повышается заработная плата [McCloskey, 2006b]. Таким образом, политика поощрения того или иного вида экспорта основывается на отрицании сравнительных преимуществ и в любом случае сосредотачивается на внешних факторах, в то время как с точки зрения доходов бедных важна в первую очередь внутренняя эффективность. Поэтому страны с антирыночными законами, в частности замедляющие вход на рынок нового бизнеса и обременительное регулирование старого, тащатся позади с показателями роста душевого дохода на уровне менее 3% в год, при котором простое удвоение занимает четверть века, а увеличение в четыре раза — пятьдесят лет. Медленный рост, как утверждает экономист Бенджамин Фридман, рождает зависть, а зависть рождает популизм, который, в свою очередь, приводит к медленному росту [Friedman, 2005]. Такова настоящая «ловушка среднего дохода». Выход из нее требует принять Буржуазную сделку, как это сделала Голландия в XVI веке, Великобритания в XVIII, а Индия и Китай — в конце XX.

Таким образом, если исходить из того, что нашей общей целью, и левых, и правых, является помощь бедным, как это, безусловно, и должно быть с этической точки зрения, то пропаганду левыми научными кадрами уравнилельных ограничений, перераспределения и регулирования следует считать как минимум легкомысленной. Возможно, ее даже можно считать неэтичной — с учетом того, что экономические историки сегодня знают о Великом обогащении и что левая интеллигенция и многие правые решительно отказываются усвоить. На основании таких доказательств можно считать этически сомнительной позицию левых интеллигентов, таких как Тони Джадт, Пол Кругман и Томас Пикетти, которые совершенно уверены в том, что сами они выбрали путь высокой морали в противоположность безнравственному эгоизму тори, республиканцев и *La Union pour un Mouvement Populaire* (Союз за народное движение). Они одержимы изменениями, происходящими в первом акте, которые не могут существенно помочь бедным и, как нередко можно показать, скорее ухудшают положение последних; вдобавок они одержимы гневной завистью по поводу потребления жестокосердных богачей, хотя сами нередко входят в их число (что вы сделаете со своими авторскими гонорами, профессор Пикетти?), в то время как прекращение этого потребления мало что даст для улучшения состояния бедных. Они очень хотят посредством налогообложения богатых задушить процесс улучшений, проходящих проверку рынком, который на большом промежутке времени принес всем нам громадное улучшение положения.

Производительность экономики в 1900 году была очень и очень низкой, а в 1800 году еще ниже. Единственный способ серьезно улучшить жизнь основной массы народа, в том числе бедняков, заключался в том, чтобы сделать экономику намного более производительной. Доля, достававшаяся рабочим, оставалась примерно постоянной (в одном аспекте эта доля на протяжении XIX — начала XX века повышалась, потому что доля земельной ренты, некогда даже в Великобритании составлявшая третью часть национального дохода, в этот период сокращалась). Как сформулировали в конце XIX века такие экономисты, как американец Дж. Б. Кларк и швед Кнут Виксells, эта доля определялась предельной производительностью рабочих. Таким образом, в соответствии с аргументацией экономистов можно было ожидать, что даже самые бедные рабочие смогут получить долю выгоды от растущей производительности при ее увеличении в 10, 30 или 100 раз. И они ее получили. Например, потомки людей, в 1930-х годах влачивших существование в ужасающей бедности, сегодня живут гораздо лучше, чем их предки. Радикальное созидательное разрушение вело к накоплению идей — железные дороги созидательно разрушили пешую ходьбу и конные экипажи, электричество созидательно разрушило керосиновое освещение и ручную стирку, а университеты созидательно разрушили незнание литературы и низкую производительность сельского хозяйства. Великое обогащение в третьем акте требует не накопления капитала и не эксплуатации рабочих, а Буржуазной сделки.

Левые объясняют неспособность рабочих самостоятельно постигнуть догму убежденных левых, что любая работа по найму является эксплуатацией, утверждая, что рабочие находятся в тисках ложного сознания [Lemert, 2012. Р. 21]. Но если Буржуазная сделка оправдана, то ложное сознание свойственно не прискорбно заблуждающимся рабочим, а самой левой интеллигенции, и тогда политика принимает противоположную направленность. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»: требуйте прогресса, проходящего проверку рынком в условиях режима частной собственности и производства прибыли. А еще лучше — сами становитесь буржуа, как это сделали большие группы рабочих в богатых странах, доля которых в США приближается к 100%, если определять ее по самоидентификации людей, относящих себя к среднему классу. Было бы по крайней мере странно называть «ложным» сознание, которое повысило доход бедных рабочих в реальном выражении в 30 раз, как это произошло за период с 1800 года по настоящее время. Если рабочие оказались «обмануты», принимая Буржуазную сделку, то тогда давайте встретим двукратным с половиной «ура» такой способ быть обманутыми — половинку «ура» вычтем в счет того, что в принципе недостойно быть чем-либо «обманутым». Двухполовиннойкратное «ура» новому доминированию буржуазной идеологии с 1800 года и всё более широкому принятию Буржуазной сделки!

На предпоследней странице своей книги Пикетти пишет: «Подход, который одновременно является экономическим и политическим, зарплатным и социальным, имущественным и культурным, возможен и даже необходим» [Piketty, 2014. Р. 576; Пикетти, 2015. С. 590]. С этим можно только

согласиться. Но ему самому этого достичь не удалось. Его телодвижения в сторону культуры свелись в основном к нескольким наивно истолкованным ссылкам на поверхностно прочитанные романы, за что он, к сожалению, удостоился похвалы слева [Skwire, Horowitz, 2014]. Его социальная тема — это ограниченная этика зависти. Его политика исходит из посылки, что государство может сделать всё, что ему предложат. А его экономика неверна от начала до конца.

Это смелая книга. Но ее автор ошибается.

Ekonomicheskaya Politika, 2016, vol. 11, no. 4, pp. 153-195

Deirdre Nansen McCLOSKEY. Distinguished Professor of Economics and of History, University of Illinois at Chicago. E-mail: deirdre2@uic.edu.

2014 Fellow, IASS Institute for Advanced Sustainability Studies, Potsdam, Germany.

Measured, Unmeasured, Mismeasured, and Unjustified Pessimism: A Review Essay of Thomas Piketty's Capitalism in the Twenty First Century

Abstract

Thomas Piketty has wrote a serious empirical work on economic history. The central thesis of the work is that the force of interest on inherited wealth causes inequality of the income earned from the wealth to increase in inevitable and stable manner. The author has collected and presented a huge bulk of empirical data. But despite all its advantages the book contains many serious flaws. In fact its own data suggest that the inequality of income has increased much only in a few countries and only recently. Moreover, all the way a steady share of rich people constantly have been dropping out of riches or coming into them, in evolutionary fashion. Piketty does not see the key role of entry of new entrepreneurs into the markets and their exit from them while this is the key to understanding of the process of market-tested betterment that has made the poor rich. Piketty's definition of wealth does not include human capital, owned by the workers. The fundamental ethical problem in the book, is that Piketty has not reflected on the ethical relevance of equality as such and in comparison with raising of the poor. It is the latter notion that is ethically relevant from the point of view of their human dignity. If income is correctly measured the real income of the poor has risen in sustained way from 1800 because of rising productivity, and consumption of basic necessities is very much more equally enjoyed nowadays.

Key words: Thomas Piketty, capital, inequality, income redistribution, long-term economic growth, innovation driven growth.

JEL: B51, D35, N30, O43.

References

1. Baran P., Sweezy P. *Monopoly capital: An essay on the American economic and social order*. N. Y.: Monthly Review Press. 1966.
2. Barreca A., Clay K., Deschenes O., Greenstone M., Shapiro J. S. *Adapting to climate change: The remarkable decline in the U.S. temperature-mortality relationship over the 20th century*. NBER paper 18692. 2013.
3. Boudreaux D., Perry M. The myth of a stagnant middle class. *Wall Street Journal*, 2013, Jan. 23.
4. Boudreaux D. Can you spot the billionaire? *The Freeman*, 2001, Jan. 1.
5. Brennan G., Menzies G., Munger M. *A brief history of inequality*. Unpublished paper, Australian National University, Canberra; and University of Technology, Sydney, 2013.
6. Carnegie A. Wealth. 1889. *North American Review*, 1891, no. June.

7. Clapham J. H. Of empty economic boxes. *Economic Journal*, 1922, no. 32, pp. 305-314.
8. Clark J. B. The society of the future. *The Independent*, 1901, no. 53 (July 18), pp. 1649-1651, reprinted as pp. 77-80 in Gail Kennedy (ed.), *Democracy and the gospel of wealth*. Problems in American Civilization. Boston: Heath, 1949.
9. Coase R., Ning Wang. *How China became capitalist*. Basingstoke, U.K.: Palgrave-Macmillan, 2013 (Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство, 2016).
10. Colander D. Introduction. To Gino Barbieri. 1940. *Decline and economic ideals in Italy in the early modern era (Gli economici degli italiani all'inizio dell'era moderna)*. S. Noto, M. Ch. Gatti (trans.). Firenze: L. S. Olschki (ed.), 2013.
11. Deaton A. *The great escape: Health, wealth, and the origins of inequality*. Princeton: Princeton University Press, 2013.
12. Easterly W. 2001. *The elusive quest for growth: Economists' adventures and misadventures in the tropics*. Cambridge: MIT Press.
13. Ehrlich P. R. *The population bomb*. N. Y.: Ballantine Books, A Sierra Club-Ballantine Book, 1968.
14. Ellenberg J. And the summer's most unread book is... *Wall Street Journal*, 2014, July 3.
15. Fogel R. W. *The fourth great awakening and the future of egalitarianism*. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
16. Fogel R. W. *The escape from hunger and premature death 1700-2100*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
17. Frankfurt H. Equality as a moral ideal. *Ethics*, 1987, no. 98 (Oct.), pp. 21-43.
18. Friedman B. M. *The moral consequences of economic growth*. N. Y.: Knopf, 2005.
19. Gazeley I., Newell A. *The end of destitution: Evidence from British working households 1904-1937*. University of Sussex, Economic Department working papers, 2010, no. 2.
20. Harberger A. C. Monopoly and resource allocation. *American Economic Review*, 1954, no. 44, pp. 77-87.
21. Hayek F. A. *Law, legislation, and liberty*, vol. 1: *Rules and order*. Chicago: University of Chicago Press, 1973 (Хауек Ф. А. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006).
22. Hobsbawm E. *Interesting times: A 20th-century life*. London: Allen Lane, 2002.
23. Horwitz S. *Inequality, mobility, and being poor in America*. Unpublished paper, Department of Economics, St. Lawrence University, presented to conference on "Equality and Public Policy," Ohio University, Athens, OH, November 14-16, 2013.
24. Ibsen H. A doll house (1878). In: R. Fjelde (trans. and ed.). *The complete major prose and plays*. N. Y.: Penguin, 1965, pp. 123-196 (Ибсен Г. Драмы. Стихотворения. ВБЛ. М.: Художественная литература, 1972).
25. Judt T. *Ill fares the land*. London: Penguin, 2010.
26. Kirzner I. *Perception, opportunity and profit*. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
27. Klinenberg E. *Heat wave: A social autopsy of disaster in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press, 2002.
28. Lemert C. *Social things: An introduction to the sociological life*. 5th ed. Lanham, MD; Rowman & Littlefield, 2012.
29. Margo R. A. What is the key to black progress? In: D. N. McCloskey (ed.), *Second thoughts: Myths and morals of U.S. economic history*. N. Y. and Oxford: Oxford University Press, 1993, pp. 65-69.
30. McCloskey D. N. *The bourgeois virtues: Ethics for an age of commerce*. Chicago. University of Chicago Press, 2006a.
31. McCloskey D. N. Keukentafel. Economics and the history of British imperialism. *South African Economic History Review*, 2006b, no. 21, pp. 171-176.
32. McCloskey D. N. A solution to the alleged inconsistency in the neoclassical theory of markets: Reply to Guerrien's reply. *Post-Autistic Economics Review*, 2006, no. 39, Oct. 1.
33. McCloskey D. N. *Bourgeois dignity: Why economics can't explain the modern world*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
34. McCloskey D. N. *Bourgeois equality: How betterment became ethical, 1600-1848, and then suspect*. Forthcoming.
35. Milanovic B., Lindert P. H., Williamson J. G. Pre-industrial inequality. *Economic Journal*, 2011, no. 121, pp. 255-272.

36. Mueller J. *Capitalism, democracy, and Ralph's Pretty good grocery*. Princeton: Princeton University Press, 1999.
37. Nordhaus W. D. *Schumpeterian in the American economy: Theory and measurement*. National Bureau of Economic Research Working Paper W10433, 2004.
38. Peart S. J., Levy D. M. (eds.). *The street porter and the philosopher: Conversations in analytical egalitarianism*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008.
39. Piketty T. *Capital in the twenty-first century*. A. Goldhammer (trans.). Cambridge: Harvard University Press, 2014 (French: Éditions du Seuil, 2013) (*Пикетти Т. Капитал в XXI веке*. М.: Ad Marginem Press, 2015).
40. Reich R. How to shrink inequality. *The Nation*, 2014, May 6.
41. Sala-i-Martin X. The world's distribution of income: Falling poverty and convergence. *Quarterly Journal of Economics*, 2006, no. 121(2), pp. 351-397.
42. Saunders P. Researching poverty: Methods, results, and impact. *Economic and Labour Relations Review*, 2013, no. 24, pp. 205-218.
43. Skwire S., Horwitz S. Thomas Piketty's literary offenses. *The Freeman*, 2014, Sept. 11.
44. Smith A. *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Glasgow edition. Campbell, Skinner, Todd (eds.), 2 vols, 1776. Indianapolis: Liberty Classics, 1976, 1981 (*Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо, 2007).
45. Trollope A. *Phineas Finn: The Irish member*. 1867-1968. In: J. Bertoud (ed.), *Palliser Novels*. Oxford: Oxford University Press, 1982.
46. Tullock G. The welfare costs of tariffs, monopolies, and theft. *Western Economic Journal*, 1967, no. 5, pp. 224-232.
47. Waterman A. M. C. Adam Smith and Malthus on high wages. *European Journal of the History of Economic Thought*, 2012, no. 19, pp. 409-429.
48. Whitford D. The most famous story we never told. *Fortune*, 2005, Sept. 19.
49. Williamson J. G., Lindert P. H. *American Inequality: A Macroeconomic History*. N. Y.: Academic Press, 1980.